

Э. ДЗЕБЕЛИ

БЕЗАТОМНАЯ

ЕВРОПА

И * Л

Издательство

иностранной

литературы

*

E.-N. DZELEPY

DÉSATOMISER L'EUROPE

LA VÉRITÉ SUR LE «PLAN RAPACKI»

LES EDITIONS POLITIQUES

BRUXELLES 1958

Э. ДЗЕЛЕПИ

БЕЗАТОМНАЯ ЕВРОПА

ПРАВДА
О ПЛАНЕ РАПАЦКОГО

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

Б. С. ВАЙСМАНА И Д. И. ВАСИЛЬЕВА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ Н. Е. ПОЛЯНОВА

РЕДАКТОР Л. В. КЕЛАРЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1959

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Едва ли в лексиконе западной дипломатии найдется слово, которым бы она так часто и охотно злоупотребляла, как словом Европа. Не успела отгреметь канонада второй мировой войны, как на Западе не замедлили появиться на свет модные понятия: «европейская идея», «европейская интеграция», «европейское сообщество», «европейский щит» и, конечно же, «европейская цивилизация». При каждом удобном случае простакам вбивалась в голову нелепая мысль, будто «их Европе» непрерывно грозит какая-то фатальная опасность. Само собой разумеется, что название «Европа» великодушно присваивается лишь западной части континента при полном забвении той широко известной истины, что после войны все более видную роль играют на европейской авансцене государства, сбросившие оковы капитализма и вступившие на путь социалистического развития.

Весьма скоро выяснилось, что под видом «европейской идеи» общественности преподносился в красивой упаковке лежалый товар — то американские претензии на экономический диктат, то боннский реваншизм, то очередные недобрые начинания воинственного Атлантического блока. Западным немцам, французам, англичанам, итальянцам предлагалось верить на слово, что лучшими защитниками так называемой Европы являются американский генерал Норстэд, стяжавший дурную славу своими развязными угрозами по адресу миролюбивых народов, и его нацистский коллега по НАТО Шпейдель, организовавший четверть века назад убийство югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Барту.

Но вот осенью 1957 года телеграф разнес по свету весть о рождении новой, подлинно миролюбивой европейской идеи. Автором ее выступил польский министр

иностранных дел Адам Рапацкий. Речь шла о предложении правительства Польской Народной Республики создать безатомную зону в Центральной Европе. По плану Рапацкого государства, входящие в безатомную зону, должны взять на себя обязательство не производить, не накапливать, не ввозить и не разрешать размещения на своей территории ядерного оружия всех типов. Польское предложение предусматривало первоначально включение в безатомную зону трех государств — Польской Народной Республики, Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии. Однако уже в день обнародования плана к нему присоединилось четвертое государство — Чехословацкая Республика.

Советский Союз и другие социалистические страны одобрили план Рапацкого в специальных правительственных заявлениях. На внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза Н. С. Хрущев еще раз подчеркнул, что «Советский Союз поддерживает план правительства Польской Народной Республики о создании в Европе «безатомной зоны» и сокращении в этой зоне обычных вооружений».

В мире повсюду заговорили о новой инициативе, дающей широкие возможности рассеять грозовые тучи над старым континентом. В правительственных кругах Индии, Канады, Скандинавских стран она встретила положительный отклик. Английские лейбористы Бивен и Фут, консервативный парламентарий Роберт Бутби, лидер западногерманских социал-демократов Эрих Олленхауэр, видный деятель свободной демократической партии Федеративной Республики Германии Вольфганг Деринг и многие другие политики нашли в плане Рапацкого отправную точку для плодотворных размышлений о путях укрепления безопасности Европы. Знаменитый ученый и врач Альберт Швейцер, узнав об этом плане, обратился к мировой общественности с призывом поддержать идею создания безатомной зоны. Не будет преувеличением сказать, что миллионы людей, озабоченных будущим Европы, необычайно быстро осознали преимущества плана Рапацкого.

Спрашивается, как же повели себя западные политики, больше всех досаждавшие общественности разговорами о Европе? Предложение о создании в Европе без-

атомной зоны вызвало тревогу в тех кругах капиталистического мира, которые делают ставку на дальнейшее усиление гонки вооружений и проведение политики «на грани войны». Они отшатнулись от плана создания безатомной зоны, как от дьявольского наваждения, грозящего сокрушить шаткие «европейские» декорации их опасной игры судьбами народов.

Боннское правительство с самого начала резко выступило против плана Рапацкого и в который раз сыграло роль главного нарушителя спокойствия. Препятствуя всеми силами созданию безатомной зоны, федеральное правительство тем самым доказало, что его действия нельзя рассматривать иначе, как стремление обеспечить проведение в жизнь планов атомного вооружения Федеративной Республики Германии. Как раз те, кто наиболее усердно выставлял себя защитником континента, вроде боннского министра обороны Штрауса, стали уверять, что отныне его надо защищать от ...безатомной зоны. Как это ни покажется парадоксальным, но ревнители «объединения Европы» с особой активностью ополчились против того, чтобы четыре европейских государства объединились в решимости не производить и не размещать на своих территориях ядерного оружия.

Впрочем, парадоксально это только на первый взгляд. Американские и боннские жрецы «европейской идеи» в данном случае не блистали оригинальностью. Они в чем-то напоминали творца Священного союза князя Меттерниха, который объединял лишь реакцию и разрушал все, что вело к прогрессу. При этом западные политики пускали в ход доводы, столь фальшивые, что ими, вероятно, побрезговал бы печальной памяти австрийский канцлер.

Разоблачение этих доводов, выяснение преимуществ плана Рапацкого, раскрытие подоплеки подлинных намерений противников создания безатомной зоны — такова задача, которая особенно важна для дела мира. Поэтому работа бельгийского буржуазного публициста Э. Дзелепи «Безатомная Европа», переведенная на русский язык с небольшими сокращениями и предлагаемая вниманию советского читателя, вызовет несомненный интерес.

Автор книги «Безатомная Европа» представляет те круги общественности западных стран, которым надоела

«холодная война», безрассудная «политика с позиции силы» и которые глубоко встревожены опасным развитием событий в Западной Германии, где милитаристы не только вновь оказались у власти, но и протягивают руки за атомным оружием. В этих кругах, охватывающих миллионы и миллионы людей различных политических воззрений, план Рапацкого нашел живой отклик. Они увидели в нем искреннее желание разрешить один из назревших вопросов международной жизни — создать в Центральной Европе зону, свободную от атомного оружия, зону, которая стала бы существенным фактором в укреплении безопасности Европы и благоприятно повлияла бы на международную обстановку в целом, или, как писала 1 января 1958 года парижская газета «Комба», «уменьшила бы возможность возникновения непредвиденных инцидентов». Книга Э. Дзелепи содержит факты, высказывания, суждения и комментарии, которые стали известны на Западе после опубликования польского плана. В ней используются материалы, ставшие достоянием гласности примерно до осени 1958 года.

К моменту выхода книги в свет еще не был известен новый советский проект мирного договора с Германией и предложение о превращении Западного Берлина из очага беспокойств в вольный демилитаризованный город. Поэтому некоторые выводы, содержащиеся в ней, естественно, уже отстали от событий.

Советская инициатива относительно урегулирования в первую очередь главного вопроса — вопроса о заключении мирного договора с Германией и ликвидации оккупационного режима в Западном Берлине — открыла широкие перспективы для постановки на прочную основу дела мира в Европе. Это еще раз подчеркнули в своем коммюнике участники совещания министров иностранных дел стран Варшавского договора и Китайской Народной Республики, состоявшегося в Варшаве в конце апреля 1959 года. Об этом заявил Н. С. Хрущев редакторам социал-демократических газет ФРГ накануне встречи министров иностранных дел в Женеве.

«Связывать сейчас подписание мирного договора с решением проблемы европейской безопасности, — сказал Н. С. Хрущев, — это значит сохранить на неопределенное время существующее положение обостренности между двумя блоками, потому что решение проблемы европей-

ской безопасности — длинный и сложный процесс. Поэтому в первую очередь надо решать главный вопрос, а это вопрос о мирном договоре. Мы готовы обсуждать и вопрос о европейской безопасности, о безопасности во всем мире. Но одно не должно связываться с другим. Ведь при таком подходе затрудняется решение как первого, так и второго вопросов, как вопроса о мирном договоре, так и вопроса о безопасности».

* * *

Э. Дзелепи хорошо знаком с методами и приемами западной дипломатии и разбирается во всех ее уловках. Наиболее сильны те страницы его книги, где автор показывает, каковы подлинные побуждения, планы и цели тех, кто стоит у кормила правления западного мира. Э. Дзелепи срывает покровы, лицемерно прикрывающие тайные пружины проводимой ими политики.

Взять хотя бы вопрос о разрушительности атомного оружия. В разделе «Атомное мошенничество» автор напоминает, что вначале, когда Соединенные Штаты Америки обладали монополией на атомную бомбу, они всячески расхваливали ее устрашающее действие. «Вслед за очередным атомным испытанием, — пишет Э. Дзелепи, — превозносилась возросшая вновь созданных бомб, по сравнению с которыми бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, являются якобы простыми петардами». Это делалось для двойной цели: чтобы запугать Советский Союз и убедить американцев в превосходстве Соединенных Штатов Америки. Едва только стало известно, что американская монополия на атомную бомбу утрачена и, более того, что Советский Союз шагнул далеко вперед, как американская пропаганда тут же дала обратный ход и стала преуменьшать эффективность ядерного оружия. «Речь уже пошла, — напоминает автор, — только о бомбах «тактического» назначения, о бомбах «миниатюрных», «карманных», словом, о почти безобидном оружии». И все для того, чтобы хоть чем-то оправдать отказ от разоружения, от прекращения испытаний ядерного оружия.

Если «атомное мошенничество» в мировом масштабе применялось вдохновителями «холодной войны» для сры-

ва переговоров о разоружении, то в европейском масштабе оно использовалось для отказа от обсуждения плана Рапацкого. Э. Дзелепи убедительно показывает, что боннский канцлер Аденауэр и его высокие покровители в Вашингтоне прибегали для этого к самым различным средствам — от прямого обмана общественности до выдвижения различных «предварительных условий», о которых заведомо было известно, что они для другой стороны неприемлемы. Одно из таких условий — требование при решении международных проблем ставить на первое место вопрос о воссоединении Германии, хотя широко известно, что в данном случае речь идет не о международной, а о сугубо внутригерманской проблеме. Ведь решить проблему воссоединения могут только сами немцы, притом без какого-либо вмешательства извне.

Заметим, кстати, что попытка связать внутригерманскую проблему с каким-либо международным вопросом предпринималась едва ли не всякий раз, когда представители Востока и Запада садились за стол переговоров. Так было во время обсуждения проблемы разоружения в Лондоне. Так было и весной 1959 года в канун совещания министров иностранных дел в Женеве, когда Советский Союз и другие социалистические государства потребовали решить прежде всего самый острый и самый важный вопрос современности — о заключении мирного договора с Германией и о ликвидации оккупационного режима в Западном Берлине. Метод увязывания в один запутанный клубок разнородных вопросов и здесь был пущен в ход, чтобы помешать переговорам.

С помощью надуманного тезиса о приоритете воссоединения Германии боннские министры и их вашингтонские опекуны рассчитывали «с ходу» торпедировать план Рапацкого. Но, помимо своей воли, они очутились на скользкой дорожке саморазоблачения. Своим поведением они, с одной стороны, подтвердили, что всерьез и не помышляют о воссоединении на демократических началах, с другой — показали, что хотят не создания безатомной зоны в Европе; а атомного вооружения бундесвера. Последнее — предоставление ядерного оружия бывшим гитлеровским генералам — и стало главным содержанием политики партнеров по оси Вашингтон—Бонн. Автор книги подтверждает это многочисленными факта-

ми. Он напоминает, что бывший государственный секретарь США Даллес и канцлер Аденауэр еще в 1955 году совместными усилиями похоронили решения «Большой четверки», достигнутые на совещании глав правительств в Женеве. Он показывает далее, что, когда выяснилась невозможность атаковать план Рапацкого в лоб, «не рискуя при этом навлечь на себя обвинение в попытке лишить Европу, а быть может, и весь мир, серьезного шанса избежать атомной катастрофы», противники польского плана решили потопить его «в нескончаемой дискуссии, изображая дело так, будто речь действительно идет об искреннем и добросовестном изучении всех «за» и «против».

Какие же контраргументы выдвигали на Западе против плана Рапацкого в ходе этой инсценированной дискуссии? На первый взгляд могло бы показаться, что речь шла о высоких материях, так сказать, «идейных соображениях». Не было недостатка в рассуждениях о том, что план Рапацкого угрожает «атлантическому единству», что он породит «раскол Запада» и т. п. Особенно много разглагольствовал на эту тему генеральный секретарь НАТО Анри Спаак. Но вот, выступая как-то с речью на завтраке, он, разомлев от избытка тостов, неожиданно поведал присутствующим, что в действительности имеет в виду. И тогда все узнали, что план Рапацкого плох потому, что он предусматривает... вывод американских войск из Западной Германии. А одна мысль об этом повергает, видите ли, социалиста Спаака в суеверный ужас. Таким образом, резюмирует Э. Дзелепи, польский план зачеркивают и отвергают «во имя Европы».

Можно сказать, что его отвергают и во имя НАТО. Почему? Да прежде всего потому, что проект создания безатомной зоны является одним из этапов на пути обеспечения безопасности Европы. А это делает беспредметной всю так называемую «атлантическую оборону», то есть НАТО. Поэтому творцы этого военного блока готовы были сделать все для срыва плана Рапацкого, лишь бы не расставаться с «обороной Европы» от несуществующей «угрозы с Востока».

Не менее смехотворны и другие доводы противников создания безатомной зоны, например их утверждения, будто план Рапацкого дает преимущества странам Варшавского договора. Достаточно бросить взгляд на карту

Европы, чтобы убедиться в ином: площадь социалистической части зоны более чем в два раза (547,4 тысячи квадратных километров против 248,4 тысячи квадратных километров; Э. Дзелепи приводит в книге несколько неточные цифры) больше площади Западной Германии. Или взять аргумент о том, что в век межконтинентальных ракет якобы не имеет смысла держать свободным от ядерного оружия такое сравнительно небольшое пространство, как Центральная Европа. На это можно возразить, что еще меньше смысла в атомизации этого пространства.

Такими фальшивыми возражениями исчерпываются, в сущности, все контраргументы противников идеи безатомной зоны. «Слабость и несостоятельность аргументов, — пишет автор книги, — которые выдвигаются с целью отклонения польского плана, подтверждает впечатление, что в этом вопросе у западных держав — американцев и немцев, задающих тон, французов, парализованных войной в Алжире и нуждающихся в американских кредитах, а потому пассивно следующих за США, и англичан, держащихся на расстоянии, — имеется твердая решимость добиться срыва польского предложения».

Пока западные дипломаты составляют слабые и несостоятельные аргументы, германские милитаристы и их американские друзья готовят атомное вооружение бундесвера. Ведь именно в тупике, куда хотят завести международное обсуждение проблем разоружения, гитлеровские генералы и атлантическая военщина надеются «найти» ядерное оружие для западногерманской армии, превращаемой в ударный кулак НАТО. Это еще в 1957 году подтвердил Штраус в беседе с корреспондентом агентства Ассошиэйтед Пресс. От успеха или провала переговоров о разоружении, заявил он, зависит решение вопроса о том, будет ли Западная Германия иметь атомное оружие. Не требуется большой сообразительности, чтобы понять: Штраус хочет не успеха, а провала, не создания безатомной зоны, а, напротив, оснащения бундесвера атомным оружием. Еще весной 1958 года тот же Штраус совершил паломничество по ту сторону Атлантики, чтобы договориться с США о поставке атомных ракет в Западную Германию. Весной 1959 года он продолжил эти переговоры. Одновременно между Бонном и Парижем развивалось сотрудничество в области про-

изводства вооружений, которое затем превратилось в треугольник Бонн—Париж—Рим.

25 февраля 1955 года канцлер Аденауэр торжественно заявил с трибуны бундестага: «Во время лондонских переговоров мы отказались от атомного, бактериологического и химического оружия, с тем чтобы подать пример и быть, таким образом, первыми, кто это сделал». Прошло лишь три года, и обязательство это было разорвано и растоптано, как клочок бумаги. То же послушное политике Аденауэра большинство боннского бундестага, которое аплодировало желавшему «подать пример» канцлеру, приняло, по требованию последнего, роковое и опасное решение об оснащении соединений западногерманской армии атомным оружием.

Сейчас опасность атомной войны увеличивается во много раз, поскольку оружие массового уничтожения попадает непосредственно в распоряжение бывших гитлеровских генералов и эсэсовских офицеров.

В 1955 году — сладковатая мина миротворца. В 1958 году — гримаса милитаризма. Таковы две физиономии официального Бонна. Это ли не лицемерие, которому мог бы позавидовать мифический Янус! Ведь еще в те дни, когда Бонн рекламировал себя в качестве этакого пай-мальчика, обещающего вести себя прилично, в кабинетах генералов и рурских промышленников уже шла большая игра судьбами миллионов немцев. Э. Дзелепи лишь вскользь касается этой стороны дела. Но зарубежная и советская печать приводила немало фактов, подтверждающих, что крупнейшие западногерманские компании — «И.Г.Фарбениндустри», «АЭГ», «Сименс» и другие — щедрой рукой финансировали подготовку к производству ядерного оружия в Федеративной Республике Германии. Они заблаговременно послали и своего человека в правительство. Это министр по атомным вопросам Бальке, вышедший из недр концерна «И.Г.Фарбениндустри» и прошедший выучку у главноуправляющих адскими печами Майданека и Освенцима. Надо ли тогда удивляться, что выходящий в Мюнхене журнал «Веркунде», лейб-орган вернувшихся в строй прусских солдат-фонов, прямо пишет, что Западная Германия нуждается в «полном равноправии со своими союзниками» и что «она должна быть в состоянии сама производить ядерное оружие и в случае необходимости его использовать».

Сегодня боннские реваншисты требуют равноправия со своими западными соседями, прежде всего с Францией. Что же будет завтра, если в руках у них окажутся ракеты с атомным зарядом? Этот вопрос не может не тревожить каждого, кто задумывается о будущем. Со всей страстностью Э. Дзелепи предостерегает в своей книге от опасных последствий оснащения бундесвера атомным оружием. Он приводит факты, говорящие о возрождении духа милитаризма в Западной Германии, о выходе на политическую арену темных сил, мечтающих о пересмотре границ, захвате земель к востоку от Одера и Нейсе и к югу от Рудных гор. Он напоминает о словесных заверениях Гитлера не нарушать суверенитета Польши, заверениях, которые сегодня вновь звучат в официальных речах боннского министра иностранных дел фон Брентано. Тем меньше оснований верить им!

«Они не только не осуждают гитлеровскую агрессию против Польши,— пишет автор о западногерманских политиках,— но вспоминают о ней с тоской и сожалеют по поводу того, что Гитлеру не удалось стереть с карты эту ненавистную им страну».

Так постепенно раскрываются перед читателем хитросплетения закулисных причин, по которым Бонн и Вашингтон хотят во что бы то ни стало помешать претворению в жизнь плана Рапацкого. Главная из них—это стремление развязать себе руки для атомного вооружения, для продолжения близорукой и безрассудной политики, грозящей ввергнуть немцев, Европу и весь мир в пучину военных бедствий. Обнажая эти причины, автор книги «Безатомная Европа», несомненно, вносит важную лепту в дело борьбы против возрождения германского милитаризма, за упрочение мира в Европе.

В книге подробно разобраны достоинства польского плана, показаны широкие горизонты, которые он открывает для улучшения взаимопонимания между государствами, для их мирного сосуществования, для обуздания германского милитаризма и предотвращения новых военных конфликтов на европейском континенте. С большинством выводов, к которым приходит автор, советский читатель, несомненно, согласится. С некоторыми суждениями Э. Дзелепи он поспорит, а отдельные и отвергнет как надуманные и неправильные.

Несмотря на отдельные неточности, предлагаемая книга весьма полезна. Изложенные в ней факты как бы подводят читателя к мысли о необходимости как можно скорее решить вопрос о мирном договоре с Германией, решить с тем, чтобы враждебные миру силы не могли более использовать во вред немецкому и другим народам Европы отсутствие такого договора. В этом смысле весьма показательно, что сам автор завершает свою работу призывом к встрече в верхах, от которой народы ожидают решений назревших международных вопросов, обеспечивающих необходимый поворот в сторону укрепления мира.

10 мая 1959 года

Н. Полянов

I

Если вслед за Фостером Даллесом и ему подобными держаться того мнения, что мир поделен между «добром» и «злом», причем «добро» представлено «свободными нациями», то есть Соединенными Штатами Америки и их союзниками, а «зло» Советским Союзом, то тогда любые переговоры бесполезны. В этом случае остается одно: встать под знамена нового «Священного союза» и готовиться к антисоветскому крестовому походу, к «освободительной» и «фатальной» войне, в которой «с помощью божией» «добро» восторжествует над «злом».

Но если считать такое представление о современном мире чересчур схематичным и видеть в нем не более чем грубое перенесение корыстных интересов и ненасытных империалистических appetитов в область «моральных» категорий; если рассматривать СССР в качестве достойного партнера для переговоров наравне со «свободными нациями»; если считать, что ему можно доверять и можно разговаривать с ним ради того, чтобы «сделать жизнь более безопасной и счастливой» для всех народов¹; короче говоря, если исходить из того, что «холодная война» — эта прелюдия к войне обычной — не является неизбежной в отношениях между Востоком и Западом, тогда придется признать, что «дальше так продолжаться не может», что нельзя терять времени, что имеется настоятельная необходимость «кое-что сделать» для выхода из тупика «холодной войны», в котором оказался мир и который ведет к «атомной катастрофе».

¹ См. заявление президента Эйзенхауэра на открытии Совещания глав правительств четырех держав (Женева, июль 1955 года).

ОПАСНАЯ НАДЕЖДА

Эту настоятельную необходимость единодушно признают обе стороны. Но вся беда в том, что в поисках выхода из опасного тупика «холодной войны» встали на путь, ведущий к новому тупику: к необходимости разоружения.

При существующем положении вещей, при наличии взаимного недоверия, которое противоположные лагеря неизбежно питают один к другому, дискуссия по вопросам разоружения представляется трудной и несбыточной. Раз стороны вооружаются, значит, каждая из них — обоснованно или необоснованно — боится нападения противника. Следовательно, для того чтобы разоружиться, сначала надо избавиться от этого страха, поскольку разоружение — это прежде всего вопрос доверия.

Делать проблему разоружения исходным пунктом при попытках достичь сближения и взаимного понимания между двумя враждебными блоками, иными словами, при решении вопроса о мире, — это значит начинать не с того конца. Разоружение последует после того, как в обстановке относительного ослабления международной напряженности между обоими лагерями установится минимум доверия.

Стало быть, тщетно и даже опасно строить какие-то иллюзии насчет возможности достичь успеха в дискуссии о разоружении. Ни к чему также не приведет обвинение той или другой стороны в обескураживающих неудачах подобных дискуссий. Корень зла заключается в самой природе данной проблемы и в условиях, при которых она поставлена. Ведя переговоры, обе стороны в то же время продолжают вооружаться, и проблема эта становится все более трудной и неразрешимой. А поскольку оружие обеих сторон постепенно превращается в ядерное оружие, она вместе с тем становится и куда более серьезной. И до тех пор, пока в отношениях между двумя противоположными лагерями существует взаимное недоверие и страх, эта крайне опасная обстановка будет сохраняться и может лишь ухудшиться.

Другим существенным фактором, который усложняет проблему разоружения, является перевооружение Федеративной Республики Германии и, более того, оснащение ее армии атомным оружием.

Парижскими соглашениями, как известно, предусматривалось вооружение нового вермахта лишь «обычным» оружием. Специальные положения, включенные в эти документы, запрещали Федеративной Республике Германии производить тяжелое вооружение и особенно атомное оружие. Но сделано это было только для видимости, с единственной целью протащить главное — перевооружение Федеративной Республики Германии. Поскольку ФРГ разрешили перевооружаться, стало совершенно очевидным, что необходимость эффективного «участия» новой германской армии в «обороне Европы» рано или поздно отметет прочь все ограничения и запреты, которые содержались в Парижских соглашениях.

Так и случилось, что эта армия, которая должна была обладать только «классическими» видами легкого вооружения, в конце концов вступила в стадию своей «атомизации».

АТОМНАЯ КАТАСТРОФА

Подобное положение в любых условиях представляло бы серьезную угрозу для мира. В атомный же век, который отныне уже начался, оно чревато для человечества такими страшными военными бедствиями, в сравнении с которыми бледнеют ужасы Хиросимы и Нагасаки.

Надо хорошенько уразуметь, что новая кровавая война, если она разразится, не будет походить на то, что нам известно по опыту последнего двадцатипятилетия. «Классическая» война отошла в область предания. Любой вооруженный конфликт, будь он «глобальным» или «локальным», примет характер и масштабы «тотальной войны» в самом страшном смысле этого слова, то есть войны, ведущей к истреблению гражданского населения.

Люди, которые, подобно Фостеру Даллесу, преуменьшают такую опасность, ибо она затрудняет им проведение политики войны, и выдвигают утешительный тезис о том, что так называемое «тактическое» атомное оружие лишает ядерную войну ее опустошительного характера, делая возможным «локальное» применение этого оружия, то есть лишь в полосе военных действий, что якобы позволяет обезопасить жизнь мирного населения, идут на сознательный обман.

Эксперты Пентагона, которым нет никакого смысла опровергать тезис Даллеса, поскольку государственный секретарь и военные круги проводят одну и ту же политику, первыми утверждают, что не может быть и речи об «ограниченной» или «локализованной» атомной войне и что невозможно провести различие между «тактическим» и «стратегическим» использованием атомных бомб.

Новейшая стратегия Пентагона, стратегия, которая базируется на применении ракет среднего радиуса действия, показывает, насколько правы военные эксперты и до какой степени наивно говорить о «точности» атомных бомбардировок, которые якобы могут быть ограничены исключительно военными объектами и не затронут мирное население.

Ракеты с радиусом действия от 1000 до 2000 и 2500 километров — это «слепое» оружие, предназначенное не столько для поражения вооруженных сил противника, сколько для уничтожения мирного населения.

Впрочем, на деле и сам Фостер Даллес разделяет эту точку зрения. Не кто иной, как он, в декабре 1957 года на сессии Совета НАТО в Париже всячески старался принудить союзников США согласиться на размещение на их территориях установок для запуска ракет. Стало быть, если он говорит о «тактическом» атомном оружии, то делается это только ради того, чтобы скрыть от населения союзных Соединенным Штатам Америки стран судьбу, которая ожидает их, если, к несчастью, его военная политика в конце концов достигнет своей цели.

АТОМНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО

Этот вопрос необходимо отметить особо, потому что здесь происходит нечто такое, что граничит уже с крупным мошенничеством. Чего только не делается, чтобы обмануть общественное мнение насчет последствий атомной войны и, если можно так выразиться, приучить его спокойно к ней относиться.

Вначале, когда Соединенные Штаты Америки обладали монополией на атомную бомбу, и несколько позже, когда они были уверены, что значительно превосходят Советский Союз в этой области, они всячески расхваливали разрушительное и устрашающее действие нового

оружия. Вслед за очередным атомным испытанием превозносилась возросшая вновь созданных бомб, по сравнению с которыми бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, являются якобы простыми петардами.

В то время надо было убедить американский народ и союзников Соединенных Штатов Америки в том, что при наличии атомного оружия война превращается в простую забаву, в «кнопочную» войну, которая позволит разом покончить с Советским Союзом, и что поскольку дело обстоит таким образом, то и бояться, собственно, нечего: атомная война обрекает Советский Союз на молниеносное и тотальное поражение¹.

Американцы, которые, не колеблясь, первыми вступили в адский круг ядерного вооружения, использовав атомную бомбу против уже основательно разбитых и готовых капитулировать беззащитных японских городов, то есть использовав ее без всякой военной необходимости, исключительно в политических целях, чтобы запугать русских на период послевоенного «мирного сражения», в то время открыто заявляли, что, если они сочтут нужным, они без колебаний вновь применят атомную бомбу, будь то в «локализованной» или в «глобальной» войне. Вопрос шел даже о том, чтобы применить атомное оружие в Корее или против Китая.

«Если будет необходимо, я вновь прибегну к атомной бомбе», — заявил в своей предвыборной речи президент Трумэн. А председатель Национального совета христианских церквей США преподобный Генри Нокс Шертил в речи, произнесенной 11 декабря 1950 года в Гринвиче (штат Коннектикут), высказал мысль, что применение атомной бомбы нельзя считать безусловно «аморальным» явлением².

¹ В октябре 1951 года нью-йоркский журнал «Кольерс» выпустил трехмиллионным тиражом специальный номер, посвященный атомной войне против СССР. На обложке журнала была изображена Москва, охваченная пламенем в результате действия американских атомных бомб. Но хуже всего то, что серьезные органы американской печати никак не реагировали на эту поджигательскую и провокационную пропаганду в течение трех недель, то есть до тех пор, пока не появились отклики за границей. «Вашингтон пост» в номере от 15 ноября 1951 года писала: «Невозможно утверждать, что подобного рода сенсации не отражают американских умонастроений, хотя в этой стране и найдется много людей, которых они способны возмутить».

² Агентство Юнайтед Пресс, 11 декабря 1950 года.

Но после того, как Соединенные Штаты Америки утратили атомную монополию и в Вашингтоне вынуждены были признать, что Советский Союз тоже добился значительных успехов в области ядерного оружия, все перевернулось. Да это и понятно! Теперь американскому народу и его союзникам пришлось констатировать, что ужасы атомной войны не являются уже исключительно делом русских, но что и они сами, если разразится война, рискуют столкнуться с этими ужасами.

И сколько бы ни утверждали, что американцев вовсе не волнуют атомные испытания, проводимые русскими, что в гонке атомных вооружений они могут сохранить за собой преимущество¹, что они способны каждые два дня производить одну атомную бомбу², уже сам факт существования вопроса о «гонке атомных вооружений» между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом указывал на глубокое изменение в соотношении сил между двумя этими странами³.

Только в Бонне уверяли, что русские «пускают пыль в глаза». Между тем гонка атомных вооружений продолжала оставаться главной заботой президента Эйзенхауэра⁴, и перспектива такой гонки тревожила американскую общественность. Компетентные люди в Вашингтоне даже не пытались скрыть происшедшего изменения. «В ближайшее время у русских будут тысячи атомных бомб», — заявил 12 октября 1953 года член палаты представителей председатель комиссии Конгресса по атомной энергии Стерлинг Кол⁵. Со своей стороны президент Эйзенхауэр утверждал, что СССР в состоянии совершить на Соединенные Штаты Америки⁶ атомное нападение.

Бесспорно, во всем этом имело место нарочитое и сознательное преувеличение с целью добиться от Конгресса больших военных ассигнований, но тревожные голоса

¹ Заявление, сделанное членом палаты представителей от демократической партии Генри Джексоном 6 октября 1951 года.

² Агентство Франс Пресс, 4 октября 1951 года.

³ По сообщению агентства Юнайтед Пресс от 23 декабря 1953 года, в Вашингтоне считали, что, по мнению американских специалистов в области ядерных проблем, новые атомные испытания, проводимые Советским Союзом, могут изменить соотношение сил.

⁴ «Монд», 23 сентября 1953 года (сообщение из Вашингтона).

⁵ Агентство Франс Пресс, 13 октября 1953 года.

⁶ Там же, 9 октября 1953 года.

в США приобрели совершенно иное звучание после того, как председатель Совета Министров СССР заявил 8 августа 1953 года о том, что Советский Союз обладает также и водородной бомбой. По-видимому, Советский Союз изготовил эту бомбу даже раньше, чем США¹, и тем самым опроверг министра обороны Чарльза Вильсона, который 7 октября 1953 года утверждал, что в течение ближайших трех лет «опасность советской водородной бомбы» не будет существовать.

Так «атомная паника», которую усердно культивировали вначале, перестала быть «предметом экспорта» и, подобно бумерангу, обернулась как раз против тех, кто использовал ее в качестве оружия «холодной войны». Тогда они дали обратный ход и стали преуменьшать эффективность атомного оружия, чтобы успокоить общественное мнение. Речь уже пошла только о бомбах «тактического» назначения, о бомбах «миниатюрных», «карманных», словом, о почти безобидном оружии².

¹ 30 сентября 1953 года адмирал Льюис Страус, выступая перед членами Ассоциации промышленных предприятий, работающих для национальной обороны, заявил, что СССР начал изготовление водородной бомбы раньше, чем США (агентство Юнайтед Пресс, 1 октября 1953 года).

² Позднее стали говорить также и о «чистой» водородной бомбе, не вызывающей выпадения радиоактивных осадков и никому не причиняющей вреда! Эту радостную новость объявил президент Эйзенхауэр, сославшись на заверения американских ученых, которым якобы удалось добиться столь необычайного результата (агентство Франс Пресс, 27 июня 1957 года).

Если верить тому же президенту Эйзенхауэру, основные усилия США в области ядерного вооружения отныне якобы направлялись на создание «чистых» бомб (см. его заявление на пресс-конференции 1 мая 1958 года).

Но это «чудовищное надувательство» было разоблачено американским ученым д-ром Полингом, лауреатом Нобелевской премии в области химии, в его интервью, передававшемся по телевидению 12 мая 1958 года.

Американский ученый-атомник д-р Робер Оппенгеймер, выступая 15 апреля 1958 года в Международном институте прессы в Вашингтоне, подчеркивал, что современные так называемые «чистые» бомбы куда более смертоносны, чем «грязные» бомбы периода Хиросимы и Нагасаки, и что они способны уничтожить миллионы людей.

Впрочем, как заявил бельгийский министр иностранных дел Ларок в бельгийском парламенте 25 апреля, сколько бы ни говорили о «чистых» бомбах, ядерная война по-прежнему останется «грязной войной».

Газеты стали публиковать фотографии, точнее говоря, довольно грубо сделанные фотомонтажи, где на первом плане изображались американские пехотинцы, присутствующие при взрыве атомной бомбы, а в глубине — огромное грибовидное облако.

Вместе с тем большой шум был устроен вокруг учений по «пассивной обороне» против атомных бомбардировок¹, как будто бы такая оборона вообще возможна. Однако в конечном счете пришлось признать, что единственная защита от атомного нападения с воздуха состоит в массовой эвакуации городов².

Но апогеем всей этой кампании были «новости», буквально наводнившие прессу, в которых сообщалось о том, что против действия атомных бомб «найден» противоядие в виде таблеток и пилюль³... В мае 1954 года атлантическое командование со всей серьезностью, подобающей такому начинанию, тоже занялось «лечением атомных ран»!⁴

¹ Во время одного такого учения в сентябре 1953 года 8 миллионов жителей Нью-Йорка теоретически были укрыты в убежищах (агентство Рейтер, 25 сентября 1953 года). В июне 1954 года учебные «атомные тревоги» проводились в 41 крупном городе США (агентство Юнайтед Пресс, 14 июня 1954 года).

² По данным доклада, представленного начальником федерального управления гражданской обороны Вэл Петерсоном в бюджетную комиссию сената в августе 1954 года (агентство Франс Пресс 3 августа 1954 года).

³ Безусловно, многие деятели, как, например, генеральный секретарь НАТО, не в состоянии постичь, в чем заключается «тонкое различие», которое «нынешние пацифисты» усматривают между атомным конфликтом и «обычной» войной (см. заявления Спаака на пресс-конференции в Бонне 23 апреля 1958 года. Сообщение агентства Франс Пресс). Однако жертвы атомного нападения на Хиросиму и Нагасаки, вероятно, склонны были бы держаться иного мнения. Точно так же, впрочем, как и уважаемые авторы Гаагской конвенции, которые первыми установили более чем «тонкое» различие между «обычными» видами оружия, предназначенного для солдат, и оружием массового уничтожения, представляющим угрозу для мирного населения, и обязали державы не применять такого оружия. Обязательство это по-прежнему остается в силе, поскольку оружие, предназначенное для атомной войны, является по преимуществу оружием массового уничтожения, от которого мирное население пострадало бы гораздо больше, чем войска.

⁴ «Монд», 4 мая 1954 года. Однако спрашивается, с чего тут следует начинать, если предполагается, что в результате действительного атомного нападения Нью-Йорк и семь восьмых американской территории были бы сравнены с землей (агентство Юнайтед Пресс, 15 июля 1957 года).

ОРУЖИЕ РАЗОРУЖЕНИЯ

Разоружение представляет собою, если можно так выразиться, обоюдоострое оружие. Оно, конечно, может привести к ослаблению международной напряженности, но пока этого еще не произошло. И именно в силу того, что на разоружение возлагается столько надежд, враги мира используют его против дела мира. С тех пор как проблема разоружения стала предметом дискуссий, малейшие успехи, каких удавалось достичь в ходе ее обсуждения, неизменно саботировались.

Назначение президентом Эйзенхауэром в марте 1955 года либерального республиканца Гарольда Стассена специальным помощником президента по вопросам разоружения явилось торжественным признанием вышеуказанного факта. Вопреки довольно-таки невероятным толкованиям, какие в то время давали этому решению президента, смысл назначения Стассена в качестве своего рода «министра разоружения» был достаточно ясен: президент Эйзенхауэр изъял вопрос о разоружении из ведения государственного секретаря и его департамента.

В самом деле, вновь учрежденный орган был подчинен непосредственно Белому дому и его создание совпало с моментом, когда проблема разоружения предстала во всей своей серьезности, поскольку будущая война, если бы она разразилась, была бы войной атомной, и когда с этой проблемой оказались тесно связаны международная напряженность и отношения США и западного блока с Советским Союзом, то есть, иными словами, когда она стала решающей для обеспечения мира.

Более того, о назначении Стассена было объявлено в момент, когда в Лондоне начал свою работу подкомитет комиссии ООН по разоружению, словно президент Эйзенхауэр считал, что до тех пор, пока США представлены в нем Фостером Даллесом, ожидать какого-либо успеха не приходится. Так оно и было на самом деле. Объявляя 20 марта 1955 года о назначении Стассена, президент Эйзенхауэр сказал, что в работах конференции по разоружению, заседавшей с 25 февраля, никакого успеха не достигнуто. Такое заявление было тем более примечательно, что в соответствии с договоренностью державы — участницы конференции (США, Англия,

Франция, Канада, Советский Союз) обязались соблюдать полнейшую секретность до того момента, пока дискуссия либо приведет к принципиальному соглашению, либо закончится неудачей.

Насколько прав был президент Эйзенхауэр, не доверяя своему государственному секретарю и отстранив его от участия в дебатах, имевших столь важное значение для дела мира, стало очевидным в дальнейшем, когда в дискуссии о разоружении, высвобожденной из-под влияния Фостера Даллеса, впервые наметился ощутимый прогресс. Вся работа, проведенная Стассеном, которого именно за то и подозревали в «потворстве» русским, что его деятельность в Лондоне оказалась весьма плодотворной, была сведена на нет в результате последующего вмешательства Даллеса, появившегося в Лондоне на заключительной стадии переговоров, когда «угроза» их успешного завершения стала вполне очевидной.

И в дальнейшем государственный секретарь всеми силами старался помешать Стассену проводить намеченный им курс, чтобы вновь взять в свои руки проблему разоружения, чего в конечном счете ему и удалось добиться¹. Тем самым был сделан столь же прискорбный, сколь и опасный по своим последствиям шаг назад, ибо Даллес снова получил возможность, используя оружие разоружения, преградить путь к разрядке международной напряженности.

ДВОЙНАЯ ИГРА С ВОССОЕДИНЕНИЕМ ГЕРМАНИИ

Точно так же обстоит дело и с воссоединением Германии. Как и проблема разоружения, этот вопрос превратился в один из важнейших факторов ослабления напряженности и сохранения мира. В соответствии с тезисом, распространенным на Западе, достаточно того, чтобы это воссоединение совершилось, и чудо произойдет немедленно: на земле воцарится мир. Отсюда и

¹ Стассен подал в отставку с поста специального помощника президента по вопросам разоружения в феврале 1958 года. За несколько дней до этого он заявил, что не намерен уходить со своего поста. Отсюда можно сделать вывод, что Фостер Даллес вел против Стассена «закулисную» борьбу.

«огромная ответственность», возлагаемая на Советский Союз, который якобы этому «препятствует».

И в этом случае в связи с большой важностью, придаваемой данному вопросу в западном лагере, враги мира и другие сторонники «холодной войны» используют его, чтобы не допустить каких бы то ни было переговоров и сближения с Москвой.

Воссоединение Германии действительно занимает первое место в программе боннского правительства. Но людей, которые еще продолжают верить в искренность канцлера Аденауэра на этот счет, по другую сторону Рейна становится все меньше. Канцлер много говорит о воссоединении, потому что восстановление национального единства Германии является самым сокровенным желанием немецкого народа. Но Аденауэра это ничуть не заботит. В его руках вопрос о воссоединении служит самым эффективным инструментом политики, базирующейся на существовании напряженности в отношениях между Западом и Востоком. При всех обстоятельствах, выдвигая на первый план вопрос о воссоединении Германии, Аденауэр препятствует тем самым попытке достигнуть договоренности и сблизиться с Москвой.

Его политические противники настаивают на том, что канцлер сознательно обманывает немецкий народ, когда утверждает, что целью № 1 его политики якобы является восстановление единства Германии, ибо его политика «с позиции силы», основанная на союзе с западными державами, в первую очередь с США, по самой своей сути делает невозможным воссоединение страны. Более того, они открыто обвиняют Аденауэра в том, что он не принимает никаких мер, чтобы покончить с расколом Германии, и что, напротив, он действует так, словно стремится этот раскол сохранить, дабы ему не пришлось отказаться от своей политики союза с западными державами, политики, которая идет гораздо дальше воссоединения Германии и имеет целью «освобождение» немецких территорий, которые отошли от нее в результате поражения гитлеровского рейха во второй мировой войне, и осуществление старой программы германского империализма: «дранг нах Остен».

Обвинения в том, что в вопросе о воссоединении Германии канцлер Аденауэр ведет двойную игру, особенно четко были сформулированы во время больших дебатов

по внешней политике в западногерманском бундестаге 23 апреля 1957 года. В роли главных обвинителей канцлера выступили два бывших министра его правительства — католик д-р Хейнеманн и лидер либеральной партии д-р Делер. Оба они, в частности, упомянули, что наиболее выгодное предложение, когда-либо сделанное боннскому правительству правительством Советского Союза, а именно предложение от 10 марта 1952 года, было заранее отвергнуто канцлером следующим заявлением, с которым он выступил 5 марта по западногерманскому радио: «Речь идет не только о восточной зоне; речь идет об освобождении всей Восточной Европы, находящейся за железным занавесом».

Следовательно, категорически настаивать на воссоединении Германии и превращать этот вопрос в предварительное условие любого сближения и каких бы то ни было переговоров между Востоком и Западом — это значит играть на руку канцлеру Аденауэру и его политике. Как решение проблемы разоружения, так и решение проблемы воссоединения Германии не только не является предварительным условием разрядки напряженности в отношениях между Востоком и Западом, но, напротив, само обусловлено достижением такой разрядки.

ЛОЖНЫЕ «ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ» УСЛОВИЯ

Не приходится сомневаться, что любой прогресс, достигнутый в дискуссии о разоружении и в дискуссии о воссоединении Германии, значительно способствовал бы улучшению международной обстановки и явился бы шагом вперед на пути к упрочению мира. Однако было бы неправильным это обстоятельство преувеличивать, чтобы не создало впечатление, будто бы без разрешения того или иного из указанных вопросов в качестве предварительного условия никакая разрядка напряженности и никакой прогресс в деле упрочения мира вообще невозможны. В связи с тем, что дискуссия о разоружении и дискуссия о воссоединении Германии неизменно приводили к неутешительным результатам, общественное мнение западных стран, в результате ли усталости или в силу разочарования, может поверить в «фатальную неизбежность войны».

Вот почему совершенно необходимо, и притом как можно скорее, расчистить почву от этих ложных «предварительных условий», которые вносят путаницу в умы и мешают увидеть существо проблемы.

С тех пор как встал вопрос о разоружении и вопрос о воссоединении Германии, произошли события, которые неопровержимо доказали, что разрядка напряженности и сохранение мира ни в какой мере не связаны, как это пытаются доказать, с этими двумя проблемами; что переговоры между Востоком и Западом возможны и без их обсуждения; что существенный прогресс на пути к соглашению между двумя противоположными блоками может быть достигнут и без решения этих вопросов. Короче говоря, имеются все шансы на сохранение мира даже в том случае, если вопросы, связанные с проблемой разоружения и с проблемой воссоединения Германии, вовсе будут обойдены.

Вышесказанное весьма важно, ибо устранение ложных «предварительных условий» лишает врагов мира их самого действенного оружия. Когда будет признано, что Восток и Запад могут свободно вести переговоры о мире, никто уже не сможет выдвигать на первый план один или другой из этих вопросов, с тем чтобы воспрепятствовать переговорам или попытаться свести на нет их результаты.

Более того. Принимая во внимание это обстоятельство, а также усилия, которые в прошлом систематически затрачивались на подрывную работу, можно сказать, что вопреки распространенному мнению подлинное предварительное условие решения проблемы сохранения мира состоит в ее отделении от двух вышеуказанных вопросов.

ОПЫТ ЖЕНЕВЫ

Подтверждением того, что прогресс в решении проблемы сохранения мира можно достичь, не затрагивая проблемы разоружения и проблемы воссоединения Германии в качестве основных вопросов, подлежащих урегулированию в первую очередь, явилась первая после Потсдамской конференции встреча «Большой четверки» в июле 1955 года в Женеве. Если на этом совещании удалось достичь реального успеха, то именно потому, что главы правительств отошли от обычного пути предыду-

щих конференций и не поставили во главу своих дискуссий ни вопроса о разоружении, ни вопроса о воссоединении Германии.

В итоге можно было констатировать, казалось бы, невероятный факт: главы четырех правительств пришли к договоренности по главному вопросу о европейской безопасности, иначе говоря, по вопросу, рассмотрение которого считалось немыслимым без предварительного урегулирования проблемы разоружения и проблемы воссоединения Германии. В самом деле, в директивах глав правительств своим министрам иностранных дел вопрос о воссоединении Германии ставился лишь в связи с проблемой «европейской безопасности», которая заняла в этом документе первое место.

Говоря о том, что существует «тесная связь между воссоединением Германии и проблемами европейской безопасности», главы четырех держав отнюдь не имели в виду, что второе нельзя решить без первого, как это уверяют сегодня в Вашингтоне и в Бонне. Напротив, они хотели этим сказать, что нельзя рассматривать вопрос о воссоединении Германии, не учитывая вопроса о европейской безопасности, то есть, иными словами, что первое подчинено второму.

Это с очевидностью вытекает из текста директив. В первом пункте — «Европейская безопасность [в первую очередь. — *Авт.*] и Германия» — указывалось, что «с целью создания европейской безопасности» министрам иностранных дел поручалось «рассмотреть различные предложения», в частности предложение о заключении «пакта о безопасности для Европы или для части Европы, включая положение о принятии государствами-участниками обязательства не прибегать к силе и отказывать в помощи агрессору».

Здесь не содержалось ни малейшего намека на воссоединение Германии в связи с указанным пактом, а это означает, что, по мысли глав правительств, заключение такого пакта представляется возможным совершенно независимо от урегулирования германского вопроса. В своих директивах главы правительств ограничились указанием на то, что, «признавая свою общую ответственность за разрешение германского вопроса и воссоединение Германии», они «согласились», что урегулирование этих вопросов «посредством свобод-

ных выборов должно быть осуществлено в соответствии с национальными интересами германского народа и интересами европейской безопасности». Это явилось лишь выражением пожелания и не содержало никакого обязательства как одной, так и другой стороны ни в отношении воссоединения Германии, ни в отношении процедуры указанной операции, то есть посредством свободных выборов, на чем также пытаются сегодня настаивать в Вашингтоне и в Бонне.

Что же касается разоружения, то отделение этого вопроса от вопроса о европейской безопасности подчеркнуто в директивах глав правительств еще более отчетливо, и в пункте 2 указанного документа говорится исключительно о разоружении. Пакт безопасности, который имели в виду главы правительств, должен был также касаться «ограничения, контроля и инспекции в отношении вооруженных сил и вооружений». Это означало, что «Большая четверка» не только не рассматривала урегулирование вопроса о разоружении в качестве предварительного условия для заключения пакта безопасности, но, напротив, считала, что заключение этого пакта, возможное и без такого урегулирования, способствовало бы решению вопроса о разоружении.

В результате совместных усилий Фостера Даллеса и канцлера Аденауэра конференция министров иностранных дел в октябре 1955 года в Женеве похоронила решения «Большой четверки». Это было достигнуто выдвиганием на первый план вопроса о воссоединении Германии, которому министры западных держав вновь отдали предпочтение перед всеми остальными вопросами. Проект, представленный ими во исполнение директивы глав правительств относительно «создания между Востоком и Западом зоны, в которой размещение вооруженных сил будет производиться по взаимному соглашению», подчинял соответствующее соглашение предварительному урегулированию вопроса о воссоединении Германии. Тем самым вся плодотворная работа, проделанная в июле «Большой четверкой», оказалась сведенной на нет.

II

Два вывода, вытекающих из неудачных попыток, которые предпринимались до сих пор в целях ослабления международной напряженности — а ведь именно это должно составлять главную заботу любого правительства, стремящегося избавить свою страну от ужасов атомной войны, — заключаются в том, что:

а) первостепенная для дела сохранения мира проблема — разрядка напряженности в отношениях между Востоком и Западом — извращается тем, как ее до сего времени ставят. А ставят ее таким образом, будто решение этой проблемы зависит от предварительного урегулирования вопроса о разоружении и вопроса о воссоединении Германии, вопросов тем более сложных и трудных, что их урегулирование систематически саботируют враги мира, чтобы исключить возможность разрядки, достижению которой урегулирование этих вопросов могло бы содействовать;

б) поиски решения проблемы упрочения мира не только мыслимы, но и возможны без предварительного урегулирования вопроса о разоружении и вопроса о воссоединении Германии. Напротив, само это урегулирование может быть в значительной мере облегчено прогрессом, достигнутым в деле разрядки напряженности между Востоком и Западом.

НЕОБХОДИМО ВСТАТЬ НА ИНОЙ ПУТЬ

Исходя из двух указанных выводов, следует направить усилия, предпринимаемые для достижения главной цели — обеспечения мира. А чтобы это сделать, надо вновь вернуться к тем положительным результатам, которых в прошлом удалось все-таки достичь в ходе переговоров между двумя противоположными сторонами.

Встретившись снова, главы правительств могли бы возобновить переговоры с того, на чем они были прекращены в июле 1955 года в Женеве. При этом они могли бы руководствоваться своими же собственными директивами, погребенными в итоге конференции министров иностранных дел в октябре 1955 года, совершенно отвлекаясь от состояния дискуссий по вопросам о разоружении и о воссоединении Германии, поскольку эти последние в действительности служат лишь препятствием к каким бы то ни было переговорам и к какой бы то ни было разрядке напряженности между Востоком и Западом.

Как мы видели, самым очевидным из результатов встречи «Большой четверки» было решение поручить министрам иностранных дел рассмотреть вопрос о заключении «пакта о безопасности для Европы или для части Европы». Решение это остается в силе; на это намекал глава английского правительства Макмиллан в своей речи по радио 4 января 1958 года.

До того как указанный вопрос вновь станет предметом обсуждения на будущей конференции в верхах, можно было бы поискать и другие средства ослабления напряженности между Востоком и Западом и создать атмосферу, благоприятную для работ такой конференции. И в этом отношении «Большой четверке» достаточно было бы руководствоваться собственными директивами, выработанными в июле 1955 года.

В самом деле, помимо вопроса о заключении пакта о европейской безопасности, главы правительств поручили своим министрам иностранных дел рассмотреть вопрос «создании между Востоком и Западом зоны, в которой размещение вооруженных сил будет производиться по взаимному соглашению». Это решение также остается в силе. С ним как раз и связано другое предложение, на этот раз внесенное Востоком, а именно предложение министра иностранных дел Польши Адама Рапацкого о создании в центре Европы зоны, свободной от атомного оружия, так называемый «план Рапацкого».

ПЛАН РАПАЦКОГО

План Рапацкого, как он был сформулирован его автором сначала в речи, произнесенной 2 октября 1957 года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а затем в док-

ладе, сделанном 13 декабря того же года на заседании комиссии по иностранным делам польского сейма, предусматривает в основном «запрещение производства и размещения ядерного оружия» в обширной зоне, включающей Польшу, Германскую Демократическую Республику, Чехословакию и Федеративную Республику Германии. Кроме того, польское предложение имеет в виду контроль за выполнением обязательств, которые были бы взяты на себя в этом отношении указанными странами. Вместе с тем предусматривается, что и великие державы возьмут на себя аналогичные обязательства, в частности обязательство соблюдать неприкосновенность безатомной зоны и не применять атомное оружие против стран, включенных в эту зону.

То, что было высказано по сути дела лишь в виде общей идеи, приняло форму плана в меморандуме, который польское правительство передало 14 и 15 февраля 1958 года дипломатическим представителям западных держав и Советского Союза в Варшаве. В этом документе польское правительство конкретно и подробно сформулировало дополнительные предложения, существо которых сводится к следующему:

1. Государства, включаемые в безатомную зону, обязуются не производить, не накапливать и не ввозить атомное оружие и не разрешать размещения на своей территории этого вида оружия, а также оборудования, необходимого для его использования.

2. Четыре великих державы в свою очередь берут на себя обязательство не иметь ядерного оружия на вооружении своих войск, находящихся на территории государств, включаемых в безатомную зону, и не использовать этого оружия против государств зоны.

3. Устанавливается система смешанного воздушного и наземного контроля, в которой могли бы принимать участие представители Североатлантического пакта и Варшавского договора, равно как и граждане или представители государств, не входящих ни в один из двух блоков.

4. Осуществлению данной программы могло бы способствовать заключение соответствующего международного договора. Однако, учитывая трудности, которые связаны с заключением договора, польское правительство предлагает, чтобы четыре великих державы и другие заинтересованные государства выступили с односторонни-

ми декларациями и выразили готовность выполнять обязательства, вытекающие из создания зоны, свободной от атомного оружия.

Безусловно, предложения, направленные на создание демилитаризованной зоны между Востоком и Западом с целью отделить один от другого два враждебных блока, в дальнейшем были сформулированы как со стороны западных держав, так и со стороны Советского Союза, особенно после того, как стало очевидным, что по мере развития атомного оружия международная напряженность растет с вызывающей тревогой быстротой и что необходимо выйти из тупика «холодной войны», ставящей мир в зависимость от любой случайности.

В частности, следует назвать «план Идена», изложенный английским премьер-министром на Женевской конференции «Большой четверки» 18 июля 1955 года и предусматривавший «изучение возможности создания демилитаризованной зоны между Востоком и Западом». Однако этот план имел в виду лишь «достигнуть соглашения относительно общего количества вооруженных сил и вооружений с каждой стороны в Германии и в соседних с Германией странах».

Так же обстояло дело и с решением, принятым по этому вопросу главами правительств на совещании в Женеве. В директивах, которые они выработали для своих министров иностранных дел, речь шла лишь об изучении проблемы «создания зоны между Востоком и Западом, в которой размещение вооруженных сил будет производиться по взаимному соглашению».

ПРАКТИЧЕСКИЙ ПЛАН

План Рапацкого более всего приближается к предложениям, которые трижды вносились Советским правительством. В них заключена как идея «деатомизации» Германии, так и идея установления контроля в зоне, где вооружения были бы ограничены. Первое из этих предложений было сделано в январе 1956 года в Праге на совещании стран — участниц Варшавского договора, принявшем 23 января соответствующую резолюцию. Второе предложение было сделано 27 марта того же года в заявлении советской делегации в подкомитете комиссии

ООН по разоружению. Оно повторяло идеи о «деатомизации» Германии и об установлении контроля в зоне, в которой вооружения были бы ограничены. В третий раз предложение вносилось также в подкомитете комиссии ООН по разоружению.

Однако новым в польском плане является то, каким образом он развивает те же самые идеи, и особенно его практический и конструктивный характер.

Прежде всего план Рапацкого свободен от неопределенности всех предшествовавших ему предложений. Тут уже речь идет не о какой-то более или менее абстрактной «зоне»: польский план точно называет государства, которые должны в нее войти.

Во-вторых, польский план вводит новый элемент: обязательство великих держав соблюдать и гарантировать статут безатомной зоны и воздерживаться от использования атомного оружия против включенных в эту зону государств.

И, в-третьих, польский план превращает теоретическую и гипотетическую идею контроля в законченную, четкую и согласованную систему, которая может стать практической и эффективной.

«Польша, — говорил Рапацкий в своем докладе 13 декабря 1957 года на заседании комиссии по иностранным делам польского сейма, — весьма заинтересована в том, чтобы осуществлялся эффективный контроль и чтобы наиболее конкретные формы такого контроля могли быть определены, как только все партнеры согласятся с самим принципом создания безатомной зоны».

Следует заметить, что польский министр иностранных дел не выдвигал какого-либо предварительного условия для того, чтобы начать переговоры по поводу предложенного им плана. Им не было также сформулировано никаких ограничений и никаких оговорок в отношении контроля за выполнением обязательств, которые должны взять на себя четыре государства, включаемые в безатомную зону, и великие державы.

Исключительная важность этих новшеств бросается в глаза. Вопрос о контроле до сего времени являлся камнем преткновения в дискуссии о разоружении. Введение системы контроля хотя бы даже в частичное соглашение об атомном разоружении создало бы прецедент и открыло бы путь к применению такой системы в более широ-

ком соглашении о разоружении вообще. Тем более, что советское правительство первым присоединилось к польской точке зрения по вопросу о контроле. В своем послании от 10 декабря 1957 года по поводу созыва совещания в верхах советское правительство тоже предусматривало возможность установления контроля в безатомной зоне. Н. С. Хрущев в своей речи в Минске 22 января 1958 года также высказался по этому поводу в аналогичном духе. И, наконец, в официальном коммюнике, опубликованном 2 февраля 1958 года в Москве о переговорах между Громыко и Рапацким, в ясной и официальной форме подтверждалось единство позиции обоих правительств.

Эти заявления, как справедливо заметил польский политический обозреватель Ковалевский в официальном органе Польской объединенной рабочей партии «Трибуна люду» (3 февраля 1958 года), приобретают решающее значение в силу того, что они исходят от одной из двух великих держав, обладающих атомным оружием, — Советского Союза. Значение подобных заявлений станет еще очевиднее, если учесть, что в ходе дискуссий по вопросу о разоружении русских постоянно упрекали в нежелании согласиться с принципом контроля. Теперь именно русские усматривали во введении этого принципа в частичное соглашение о разоружении прецедент для общего соглашения по этой проблеме. Польско-советское коммюнике, о котором мы говорили выше, действительно подчеркивало, что опыт применения контроля в безатомной зоне мог бы быть использован в дальнейшем при заключении будущих соглашений о разоружении.

НОВАЯ И ОРИГИНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Но оригинальность плана Рапацкого заключается главным образом в том, что он нацелен исключительно на «деатомизацию» Центральной Европы и отделяет этот вопрос от проблемы разоружения в целом, оставляя последнюю в стороне.

Такое расчленение не случайно. Оно сделано намеренно и с определенной целью. Идея польского плана вытекает из ряда неудачных попыток ведения переговоров о разоружении и учитывает вместе с тем препятствия,

которые по известным причинам умышленно воздвигаются на пути к решению этой проблемы. «Неудачи дискуссии в подкомитете комиссии ООН по разоружению, — объяснял Рапацкий в своем интервью корреспонденту газеты «Монд» (15 и 16 декабря 1957 года), — толкнули нас на то, чтобы постараться найти более скромные решения». Стало быть, если польский министр иностранных дел отделяет деатомизацию одной части Европы от проблемы разоружения в целом, то это делается лишь для того, чтобы облегчить частичное решение, которое он выдвигает. «До тех пор, пока не удастся прийти к общему соглашению по вопросу о разоружении, — говорил Рапацкий в докладе от 13 декабря 1957 года, — необходимо будет использовать все возможности добиться частичных соглашений, ограниченных определенными видами вооружений и определенными территориями».

Но все-таки и в настоящем его виде, будучи лишенным каких-либо претензий, польский план охватывает тем не менее проблему разоружения в целом. Не претендуя на ее исчерпывающее разрешение, план этот, по мысли его автора, составляет «первый шаг» на пути к разрешению этой проблемы. «Проведение в жизнь нашего предложения, — говорил Рапацкий в своем интервью газете «Монд», — оказало бы влияние на политическую атмосферу в Европе и облегчило бы достижение более широкого соглашения по вопросу о разоружении».

При всем его частном и скромном характере польский план фактически имеет прямое отношение к проблеме разоружения, поскольку он касается ее самым непосредственным образом. Этот план, запрещая великим державам использовать ядерное оружие в безатомной зоне, создание которой им предусматривается, в то же время придает наиболее широкий смысл идее демилитаризации, ибо запрещаемые этим планом виды оружия являются наиболее современными и они вскоре постепенно должны заменить собою «классические» виды вооружения. Более того, зона, в которой впредь предполагается запретить использование ядерного оружия, является как раз той зоной, где имеется наибольшая опасность, что это оружие будет применено.

Во всяком случае, деатомизация государств Центральной Европы положила бы начало всеобщему разо-

ружению. Вместе с тем, обязывая великие державы соблюдать неприкосновенность государств безатомной зоны и воздерживаться от применения против них атомного оружия, польский план мог бы явиться для этих государств предварительным решением вопроса об их безопасности до того, как будет создана система коллективной безопасности в масштабе всей Европы. Если бы удалось прийти к соглашению о контроле, говорил Рапацкий в интервью западногерманской газете «Ди вельт» (12 декабря 1957 года), то тем самым были бы найдены необходимые средства, способные обеспечить всем странам безатомной зоны максимум уверенности и безопасности.

Неру не допустил никакого преувеличения, когда приветствовал польское предложение как инициативу, способную разрядить международную напряженность и рассеять страх.

РАЗОРУЖЕНИЕ — ПОКА НЕ ПОЗДНО

Другая не менее важная особенность плана Рапацкого состоит в том, что он отвечает самым насущным требованиям момента, поскольку гонка вооружений вступает в наиболее критическую и наиболее опасную фазу в связи с развитием ядерного оружия и в особенности в связи с настойчивым стремлением американцев, а также и боннского правительства снабдить атомным оружием новый вермахт.

«Намерение распространить ядерное оружие на новые территории и новые государства, — говорил Рапацкий в своем докладе от 13 декабря 1957 года в комиссии по иностранным делам польского сейма, — должно вызывать тревогу». Ибо «распространение оружия массового уничтожения» привело бы «к такому положению, при котором всякий местный конфликт» мог бы «превратиться во всеобщую ядерную войну». Польский министр иностранных дел к тому же добавил, что вступление на путь ядерного вооружения новой германской армии осложнило бы обстановку и, закрепляя раскол Европы на противоположные блоки, лишь усугубило бы этот раскол.

Если дискуссия о разоружении касается уже существующих видов оружия, что неизбежно затрудняет ее реше-

ние, то польский план стремится осуществить атомное разоружение в момент, когда ядерное оружие только начало появляться, пока еще не поздно, пока его распространение еще не приняло угрожающих масштабов, чего следует ожидать и что сделало бы сокращение атомного оружия столь же проблематичным, как и сокращение обычных вооружений.

Но попытка Польши остановить атомное вооружение в самом начале заслуживает одобрения тем более, что она имеет целью устранить гонку атомных вооружений в самой беспокойной части Европы, там, где малейший инцидент может привести к пожару, способному охватить весь земной шар. Рапацкий указал на это достоинство своего плана в уже цитированном докладе от 13 декабря 1957 года, когда говорил, что, если его предложение будет принято, появится больше уверенности в том, что «разногласия местного характера и даже инцидент не ввергнут немедленно и автоматически всю Европу в большую войну». Следовательно, и в этом случае польский план, обеспечивая безопасность в безатомной зоне Европы, значительно способствовал бы европейской безопасности вообще и поддержанию мира на европейском континенте и оказал бы неоценимую услугу даже государствам, которые прямо не заинтересованы в принятии этого плана.

СПАСИТЕЛЬНАЯ «ПУСТОТА»

В соответствии с польским планом безатомная зона, неприкосновенность которой должна быть гарантирована западными державами и Советским Союзом, представляла бы между ними своего рода «атомную пустоту», делающую практически невозможным столкновение между двумя блоками.

Боязнь «пустоты», охватывающая западные державы, и особенно Соединенные Штаты Америки, при мысли о разоружении и нейтрализации Западной Германии и, видимо, породившая политику ее «интеграции» и перевооружения, хорошо известна. Известен также и выдвинутый Западом тезис, согласно которому «пустота», возникающая в центре Европы в результате разоружения и нейтрализации Германии, соблазняла бы Советский Союз на совершение агрессии. Отсюда и необходимость за-

полнить эту «пустоту» посредством перевооружения Западной Германии, с тем чтобы она могла участвовать в «обороне Европы».

На это можно было бы возразить, что после окончания второй мировой войны, хотя Западная Германия и была разгромлена, обезоружена и фактически «нейтрализована», безопасности Европы тем не менее ничто не угрожало. Конечно, могут сказать, что атомная монополия Соединенных Штатов Америки компенсировала военное превосходство СССР. Но ведь с тех пор США лишились этой монополии и русские догнали — если не перегнали — американцев в области атомного вооружения¹. Однако Европа продолжает пребывать в благополучии, несмотря на то, что немецкий вклад в ее «оборону» равен почти нулю.

Иными словами, до сих пор Западная Германия никак не способствовала безопасности Западной Европы, в то время как, по общему признанию², Европа фактически оставалась беззащитной, поскольку Атлантический пакт существовал только на бумаге. В таком же положении она остается и сейчас, когда располагает всего несколькими более или менее реальными германскими дивизиями, когда французская армия, ядро ее вооруженной мощи, связана в Алжире³ и когда англичане постепенно выводят свои войска, безусловно считая, что миф об «обороне» Европы утратил всякий смысл и обходится им слишком дорого.

Но вопрос не в этом. Так обстояло дело (и продолжает обстоять до сих пор), когда русские находились (и до сих пор находятся) в Эрфурте, на расстоянии каких-нибудь 300 километров от Рейна. Создание «атомной

¹ 28 февраля 1958 года Комиссия по атомной энергии США сообщила, что Советский Союз недавно произвел два испытания ядерного оружия, которое по своей мощи превосходит все, что до сих пор было отмечено (агентство Франс Пресс, 28 февраля 1958 года).

² В феврале 1958 года министр обороны боннского правительства Штраус заявил, что численность новой германской армии в 1961 году достигнет 350 тысяч человек (агентство Ассошиэтед Пресс, 26 февраля 1958 года). По словам того же Штрауса, советские войска в странах Восточной Европы по численности в три раза превосходили войска НАТО («Ди вельт», 28 февраля 1958 года).

³ «Вынужденная отдать предпочтение Алжиру, Франция оказывает НАТО все меньшую и меньшую помощь». Под таким заголовком была опубликована статья в газете «Монд» от 16 марта 1958 года.

пустоты» в Центральной Европе в соответствии с планом Рапацкого отделило бы советские войска на 1200 километров от Рейна. И если в результате деатомизации Западной Германии оборонительная линия атлантического блока отодвигается на 300 километров, то деатомизация Восточной Германии, Чехословакии и Польши отодвигает оборонительную линию Советского Союза на 900 километров. Наконец, Западная Германия представляет собой территорию, равную 245 тысячам квадратных километров с населением 50 миллионов человек, в то время как безатомные территории на Востоке простирались бы на 550 тысяч квадратных километров с общей численностью населения 60 миллионов человек.

Иными словами, если создание «атомной пустоты» в центре Европы было бы спасительным для сохранения мира, поскольку привело бы к разъединению двух враждебных блоков, то для западных стран оно дало бы неопределимое и неожиданное преимущество, ибо эти страны не смели и мечтать об «ослаблении» такого «нажима», какой оказывает на их восточную границу наличие советских войск в Восточной Германии.

Ведь надо учитывать также и тот факт, что коль скоро соглашение о деатомизации Центральной Европы будет достигнуто, неизбежно последует целый ряд других перемен. Полная демилитаризация этой зоны и вывод иностранных войск, находящихся на территории включенных в нее стран, явится необходимым следствием такого соглашения.

В официальном коммюнике о переговорах между Громыко и Рапацким, которые происходили в Москве с 28 января по 1 февраля 1958 года и касались главным образом польского предложения, подчеркивалось, что создание безатомной зоны в центре Европы способствовало бы решению других проблем, в том числе проблемы сокращения численности иностранных войск и обычных вооружений в безатомной зоне.

III

План Рапацкого получил одобрение и продолжает пользоваться поддержкой Советского Союза, Чехословакии и Германской Демократической Республики. Оно и понятно, поскольку еще до того, как этот план был опубликован, его одобрили все государства — члены Варшавского договора. Советское правительство официально высказалось в его пользу в посланиях, направленных председателем Совета Министров СССР главам правительств стран Атлантического пакта накануне сессии Совета НАТО в декабре 1957 года.

В своем послании от 10 декабря 1957 года президенту Эйзенхауэру председатель Совета Министров СССР подчеркивал, что, если польское предложение будет принято, «в Центральной Европе возникнет обширная зона с населением более 100 миллионов человек, исключенная из сферы атомных вооружений, — зона, где риск атомной войны будет сведен до минимума». 21 декабря 1957 года Верховный Совет СССР включил польское предложение в принятое им постановление по вопросам внешней политики советского правительства. И мы уже видели, что советское правительство заявило о своей готовности совместно с правительствами западных держав взять на себя обязательство соблюдать неприкосновенность безатомной зоны, предусматриваемой польским планом, и не применять атомное оружие против стран этой зоны.

Иначе отнеслись к польскому плану западные державы, и как раз в силу того интереса, какой проявила к нему Москва.

БИТВА ВОКРУГ ПЛАНА РАПАЦКОГО

Как и все предложения, способствующие укреплению мира, предложение польского министра иностранных дел явилось поводом для настоящей битвы внутри атланти-

ческого лагеря. Сначала западные державы его просто игнорировали. Они никак не реагировали на выступление польского министра на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2 октября 1957 года. Идея «деатомизации» Центральной Европы не нашла почти никакого отклика в западной печати.

Лишь в декабре на сессии Совета НАТО в Париже польское предложение привлекло к себе внимание западных держав и стало предметом их обсуждения. Именно тогда и обнаружилось разногласия внутри атлантического лагеря по поводу того, как следует отнестись к польскому предложению. Этикетка «лицемерный», которую генеральный секретарь НАТО Спаак приклеил плану Рапацкого, не выражала мнения всех атлантических стран об этом плане.

Само собою разумеется, что первыми, кто категорически высказался против предложения Польши, были американцы и немцы, которых в некоторой степени поддерживали французы. Дело в том, что Польша внесла свое предложение в момент, когда Фостер Даллес прибыл в Париж, чтобы добиться от союзников США согласия на размещение на их территории ракетных установок, а канцлер Аденауэр готовился оснастить западногерманскую армию атомным оружием.

Напротив, англичане, по-видимому, не равнялись на американцев. Что касается канадцев и скандинавов, особенно последних, то они встретили польское предложение с откровенной симпатией. В своем выступлении на сессии Совета НАТО 16 декабря 1957 года премьер-министр Норвегии Герхардсен заявил, что его правительство не намерено допускать размещения на норвежской территории ни ракетных установок, ни складов атомного оружия, и при этом намекнул на польское предложение, охарактеризовав его как «идею создания европейской зоны, из которой были бы изъяты вооруженные силы с целью уменьшения напряженности в этой части земного шара». По существу такую же позицию в этом вопросе занял и премьер-министр Дании Хансен.

Подобная позиция глав правительств скандинавских государств, входящих в НАТО, имела большое значение. Выступая в пользу плана Рапацкого и отказываясь в то же время от размещения ракетных установок и складов атомного оружия на территории своих государств, оба

премьера тем самым как бы уже по собственной инициативе и не дожидаясь какой бы то ни было гарантии со стороны, приступили к осуществлению этого плана до его официального одобрения. Их отказ фактически представлял собою «деатомизацию» Норвегии и Дании.

Однако в итоге, как обычно, возобладала американская точка зрения, и парижская сессия Совета НАТО отвергла польское предложение.

УБЕДИТЕЛЬНАЯ ИДЕЯ

Отрицательное отношение западных держав к польскому плану было весьма характерно. Их молчание вначале свидетельствовало скорее о замешательстве, нежели о безразличии. И если в конце концов они решили выступить за отклонение польского предложения, то в значительной мере это объясняется тем, что они почувствовали, что идея, идущая из Варшавы, по самым разнообразным причинам начинает пускать корни в атлантическом лагере.

В самом деле, на Западе эта идея приобрела сторонников и защитников. Едва только закончилась сессия Совета НАТО, как уже стали поговаривать о возможности проведения двусторонних переговоров «трех западных держав — Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции — с Варшавой по вопросу об атомной нейтрализации обеих частей Германии».

Правда, 20 декабря 1957 года во время дебатов в палате общин по внешней политике консервативного правительства Селвин Ллойд отверг предложения, направленные на создание демилитаризованной зоны в Европе. Но это заявление руководителя министерства иностранных дел Англии еще далеко не определяло окончательную позицию английского правительства. Польское предложение, несомненно, привлекло его внимание. По сообщению газеты английской консервативной партии «Санди таймс» от 22 декабря 1957 года, западные державы предполагали рассмотреть и обсудить план Рапацкого, несмотря на то, что канцлер Аденауэр категорически отверг его. Английский, американский и французский послы в Варшаве, как добавляла эта газета, получили инструкции своих правительств встретиться с польским

министром иностранных дел, чтобы получить дополнительные сведения, касающиеся его плана и особенно вопроса о контроле и инспекции в безатомной зоне, которая им предусматривается. По данным той же английской газеты, польское предложение произвело сильное впечатление на участников парижской сессии Совета НАТО и большинство членов атлантического союза хотело бы, чтобы «практические возможности» осуществления польского плана были серьезно изучены.

Эта информация в основном нашла подтверждение в заявлении того же Селвина Ллойда от 23 декабря о том, что Англия благоприятно относится к «внимательному изучению» польского предложения. Со своей стороны министр иностранных дел Канады Сидней Смит, возвратившись с парижской сессии Совета НАТО, заявил корреспонденту газеты «Монд» (29 декабря 1957 года) по поводу польского плана, что подобных предложений не следует отвергать до тех пор, пока внимательное их изучение не убедит в том, что осуществление их невозможно.

И, наконец, план Рапацкого привлек к себе особое внимание «Европейской Ассамблеи» в Страсбурге. На заседании 15 января 1958 года большинство членов Ассамблеи настаивало на целесообразности не отклонять польское предложение прежде, чем оно не будет изучено.

Вместе с тем и отказ противников этого предложения принял менее категорический характер, вплоть до того, что они стали допускать возможность его изучения. Это главным образом следовало из ответов глав западных правительств на послание председателя Совета Министров СССР от 10 декабря. Так, президент Эйзенхауэр, отвергая польское предложение, говорил, что оно «безусловно могло бы быть изучено НАТО и непосредственно заинтересованными государствами — участниками НАТО как с точки зрения военной, так и политической». В ответе Макмиллана говорилось: «Это предложение вызывает очевидные возражения, но английское правительство его изучает, чтобы выяснить, не содержит ли оно элементов, которые могли бы составить основу для другого предложения». Так же обстояло дело с ответом канадского премьер-министра Дифенбейкера. «Мы намерены, — говорилось в этом ответе, — изучить совместно с нашими союзниками обстоятельства, вытекающие из подоб-

ного предложения». При этом глава канадского правительства подчеркивал, что «фактор, который следует принять во внимание, заключается в подготовке участников к принятию на себя обязательства создать соответствующую систему инспекции и контроля».

Но самым любопытным был крутой поворот Спаака. В заявлении, сделанном в Брюсселе, генеральный секретарь НАТО сказал, что он был настроен враждебно к плану Рапацкого в его первоначальном виде, но что с тех пор положение изменилось и в настоящее время он благоприятно относится к созданию «контролируемой географической зоны».

Со своей стороны Ги Молле, заявляя в статье, опубликованной в газете «Попюлер» (8 апреля 1958 года), что план Рапацкого требует, чтобы Запад отказался от «европейского щита», тем не менее признавал, что «предложение о специальном соглашении для тех районов, где возможность возникновения конфликта представляется наиболее вероятной, является правильным и составляет положительный элемент, который мы должны заимствовать, чтобы представить конкретные контрпредложения».

Такова же была и точка зрения бельгийского правительства, насколько о ней можно судить по его ответу на польский меморандум от 14 февраля. В этом ответе признавалось, что предложение польского министра иностранных дел представляет собою весьма ценный вклад в усилия, предпринимаемые с целью положить конец гонке вооружений и осуществить всеобщее разоружение в условиях безопасности (агентство Рейтер, 19 апреля 1958 года).

Еще более показательна в этом отношении реакция Бонна. Несмотря на первоначальный категорический отказ канцлера Аденауэра, правительственные круги внезапно проявили интерес к польскому предложению. 27 января 1958 года руководитель политического отдела министерства иностранных дел профессор Грехе, один из тайных советников федерального правительства, заявил в печати, что это правительство в любой момент готово обсудить вопрос о создании безатомной или демилитаризованной зоны в центре Европы. Конечно, профессор Грехе ставил условие, которое на деле было равносильно отклонению польского предложения. Условие это заключалось в предварительном воссоединении Германии. Но даже и

в такой форме новая позиция федерального правительства по отношению к польскому плану явилась не менее неожиданной. Заявление профессора Грече произвело такую сенсацию, что в дальнейшем ему пришлось его несколько «выправить».

Федеральное правительство явно шло на уступки под воздействием германского общественного мнения, которое не оставалось безразличным к идее, выдвинутой Варшавой.

ИДЕЯ ПРОКЛАДЫВАЕТ СЕБЕ ПУТЬ

Итак, когда некоторые полагали, что план Рапацкого окончательно провалился ввиду отрицательного отношения к нему со стороны правительств США, Западной Германии и Франции, план этот по-прежнему оставался на повестке дня.

В результате демарша, предпринятого послами США, Англии и Франции в Варшаве, польский план вновь был выдвинут Рапацким после его переговоров со своим советским коллегой Громыко в конце января 1958 года в Москве. 14 и 15 февраля 1958 года министр иностранных дел Польши вручил послам США, Англии и Франции в Варшаве меморандум, в котором были изложены дополнительные детали, касающиеся его плана.

На пресс-конференции в министерстве иностранных дел СССР 19 февраля 1958 года было заявлено, что советское правительство полностью и охотно принимает польский план и считает, что он мог бы явиться главным объектом рассмотрения на будущей конференции глав правительств. При этом вновь было указано, что Советский Союз, не ожидая заключения общего договора о запрещении атомного оружия, готов взять на себя обязательство соблюдать статут безатомной зоны при условии, что США, Англия и Франция сделают то же самое.

Отныне в западных столицах стали говорить о «новом варианте» польского плана, хотя встречен он был столь же холодно, как и первый, особенно в Вашингтоне и в Бонне, чему, впрочем, не приходится удивляться. Первыми отклонили его американцы. Представитель государственного департамента заявил 18 февраля, что и в пересмотренном виде план Рапацкого остается неприемлемым. Такова же была и точка зрения правительства ФРГ,

высказанная через день на пресс-конференции руководителем ведомства печати этого правительства.

Однако через несколько дней, 24 февраля, государственный департамент США заявил, что Вашингтон ответит на польское предложение контрпредложениями. Это означало уже только полуотказ и также явилось своего рода признанием того, что невозможно отвергнуть польское предложение в его «новом варианте», сказав просто «нет», и что предложение это может стать предметом переговоров. Иными словами, вопрос о «деатомизации» Центральной Европы был в какой-то мере поставлен.

Еще с большей очевидностью это явствовало из того, как реагировали на польский меморандум от 14 февраля 1958 года французы и англичане. В Париже уже не придерживались столь категорической позиции. В авторитетных кругах говорилось о том, что «новый вариант» польского плана является «предметом весьма тщательного изучения». Одновременно представитель министерства иностранных дел Англии заявил в Лондоне, что новые польские документы (меморандум от 14 февраля) разъясняют отдельные пункты, которые «оставались туманными» в первоначальном варианте предложения польского министра иностранных дел. В свою очередь английская печать оказывала на правительство давление, с тем чтобы оно занялось «серьезным рассмотрением» польского плана.

Идея создания безатомной зоны в Центральной Европе прокладывала себе путь. По существу, принятый западными державами — пусть даже только теоретически, что относится главным образом к Соединенным Штатам Америки и Западной Германии, — в качестве объекта «изучения», план Рапацкого отныне имел шансы на то, что он будет серьезно рассмотрен в связи с подготовкой к конференции в верхах и включен в ее повестку в случае созыва такой конференции¹.

¹ Официально план Рапацкого был отклонен американским, а также английским правительством лишь спустя три месяца после получения ими польского меморандума от 14 февраля 1958 года в их ответах на этот документ, которые были объявлены накануне сессии Совета НАТО в Колонгагене (5—8 мая 1958 года). В отличие от Соединенных Штатов Америки Англия отвергала план Рапацкого «в его нынешней форме».

Между тем в Варшаве прекрасно отдавали себе отчет в том, что противодействия надо ожидать прежде всего со стороны германского федерального правительства. В связи с этим в отношении Бонна были предприняты особые усилия. Поскольку между Бонном и Варшавой не существует дипломатических отношений, копия польского меморандума от 14 февраля вместе с нотой, содержащей предложение о ведении непосредственных переговоров относительно плана Рапацкого, была передана послу Федеративной Республики Германии через посла Польши в Стокгольме. Предпринимая этот шаг, польское правительство стремилось обойти затруднения, которые возникали для участия Западной Германии в общем обсуждении польского предложения в связи с отказом боннского правительства признать правительство Германской Демократической Республики.

В соответствии с новым предложением Польши относительно процедуры ведения переговоров по вопросу создания безатомной зоны предполагалось, что каждое из заинтересованных правительств ограничится официальной декларацией, имеющей характер международного обязательства. При такой процедуре боннское правительство могло продолжать игнорировать правительство ГДР, поскольку предполагалось заключение не общего договора, а двусторонних соглашений между Польшей и заинтересованными государствами. Можно сказать, что это была лишь формальная уступка, но она свидетельствовала о стремлении польского правительства облегчить позицию Федеративной Республики Германии в интересах решения проблемы.

По мнению западногерманской печати, этот шаг польского правительства поставил федеральное правительство в затруднительное положение. Впервые Варшава обращалась непосредственно к Бонну с предложением вести переговоры. И если переговоры эти ограничивались планом Рапацкого, они тем не менее касались всей проблемы взаимоотношений Федеративной Республики Германии со странами Востока, проблемы, которая занимает боннское правительство с тех пор, как канцлер Аденауэр одержал победу на выборах в сентябре 1957 года¹.

¹ «Ди вельт», 22 февраля 1958 года.

Именно это подчеркивало западногерманское официальное агентство ДПА, сообщая 20 февраля о польском демарше. «Новое польское предложение,— читаем мы в этом сообщении,— рассматривают в Бонне как попытку Варшавы завязать дипломатические отношения с Федеративной Республикой Германии». И далее в сообщении указывалось, что в ходе больших дебатов в бундестаге по вопросам внешней политики канцлер Аденауэр не исключал возможности установления дипломатических отношений с Варшавой и добавлял при этом, что федеральное правительство хочет всесторонне изучить вопрос об открытии непосредственных переговоров с Польшей.

Тем не менее следовало ожидать, что дальше этого федеральное правительство не пойдет, ибо, как отмечала западногерманская пресса, начать переговоры с Варшавой было для него равносильно принятию в принципе польского плана. И все-таки, если Бонн и продолжал занимать отрицательную позицию в отношении этого плана, он, как и его союзники, был уже далек от своего первоначального категорического отказа. Создавалось такое впечатление, что на отказе никто уже не осмеливался настаивать. Фактически польское предложение по-прежнему не принималось, но очевидным было и то, что стало трудно, если не вовсе невозможно, уклониться от обсуждения идеи, которая составляла его содержание.

В своем выступлении по западногерманскому радио 20 февраля 1958 года председатель бундестага Герстенмейер, отвергая план Рапацкого «в его нынешней форме», признавал, что план содержит «интересные элементы», которые могут служить основой для будущих дипломатических переговоров. Еще более симптоматичными были высказывания двух самых «стойких» сподвижников канцлера Аденауэра, министра иностранных дел фон Brentано и министра обороны Штрауса, которые известны как наиболее рьяные защитники «американской линии» в политике западногерманского правительства и которые поначалу отличались резко враждебным отношением к польскому плану. Фон Brentано, в частности, на заседании парламентской фракции партии Аденауэра ратовал за то, чтобы в ответ на предложение Востока западные державы также проявили инициативу. По-видимому, федеральное правительство выступало с таким же предложением и в Постоянном совете Атлантическо-

го пакта, который уже вплотную занимался рассмотрением плана Рапацкого.

Испытывая на себе все более и более сильное давление со стороны германской общественности, Бонн колебался. Но вместе с тем надо было противостоять дальнейшему распространению идеи, выдвинутой Варшавой.

Вот почему, когда, например, Гэйтскелл в своем интервью варшавской газете «Трибуна люду» заявил, что «ограничить разоружение одним лишь созданием в Европе безатомной зоны — это значит подвергаться риску нарушить равновесие сил и что подобную меру следовало бы дополнить соответствующим сокращением обычных вооружений, в области которых страны Варшавского договора обладают преимуществом по сравнению с Западом», лейбористский лидер тем самым совершенно искажал дух плана Рапацкого и невольно играл на руку тем, кто его отвергает на основе принципа «либо все, либо ничего» именно потому, что боится этого плана, составляющего этап на пути к разоружению.

ПОДРЫВНОЙ МАНЕВР

Изменение позиции западных стран, особенно боннского правительства, в отношении польского плана как нельзя лучше свидетельствует о том, что идею создания безатомной зоны в центре Европы, заключенную в этом плане, невозможно отвергнуть, просто заявив «нет». В противном случае так бы и поступили, и разговор был бы окончен.

Противники польского плана ясно отдавали себе отчет в том, что трудно атаковать этот план в лоб, не рискуя при этом навлечь на себя обвинение в попытке лишить Европу, а быть может и весь мир, серьезного шанса избежать атомной катастрофы. Именно потому они и стремились потопить польское предложение в нескончаемой дискуссии, изображая дело так, будто речь действительно идет об искреннем и добросовестном изучении всех «за» и «против». В этом неблагоприятном деле главная роль отводилась Федеративной Республике Германии.

Таков в действительности и был смысл того, что уже в то время называли «планом Штрауса», по имени авто-

ра, министра обороны боннского правительства, который ответил на требование Бонна и Вашингтона предпринять ответную «акцию», чтобы сорвать предложение Востока, то есть план Рапацкого¹.

Впервые Штраус изложил свой план, выступая на упоминавшемся выше заседании парламентской фракции христианских демократов на другой день после передачи западным державам польского меморандума от 14 и 15 февраля 1958 года. Но опубликован этот план был лишь 26 февраля 1958 года.

Внешне он представлял собою программу из пяти пунктов, направленную, по словам его автора, на создание в центре Европы «оголенной в военном отношении зоны», что фактически повторяло идею создания безатомной зоны, лежащую в основе польского плана. План Штрауса действительно напоминал этот последний. Помимо идеи деатомизации, он заимствовал у него также идею контроля и мысль об обязательствах великих держав, обладающих атомным вооружением, в отношении стран безатомной зоны. Однако Штраус настаивал на необходимости осуществления «строгого» контроля и принятия договорных обязательств.

Естественно возникал вопрос: зачем понадобился новый план, если все это уже было предусмотрено польским предложением? Конечно, как писала одна западногерманская газета, никто не мог требовать от западных держав, чтобы они приняли план Рапацкого таким, как он есть. Но его автор специально указывал, что он мыслит свое предложение лишь в качестве основы для переговоров. «В настоящее время, — говорил Рапацкий в своем заявлении от 13 декабря 1957 года, — решающий вопрос состоит в том, чтобы прийти к принципиальному соглашению о деатомизации. В остальном польское предложение могло бы явиться предметом обсуждения между заинтересованными державами».

С принципом деатомизации Штраус согласился в самом изложении своего плана и особенно подчеркнул это, выступая 27 февраля на завтраке, устроенном в Бонне

¹ Боннский корреспондент газеты «Монд» в связи с этим писал о «кампании заявлений», начатой правительственными кругами и «предназначенной главным образом для того, чтобы прикрыть их отказ рассмотреть план Рапацкого».

для представителей иностранной печати¹. За чем же дело стало?

Министр обороны канцлера Аденауэра выдал тайну, когда он, характеризуя свой план на заседании парламентской фракции ХДС как вклад в дело «военной и политической разрядки в Европе», объяснил, что «основная мысль», из которой он исходит, заключается в том, что «любое соглашение о механизме, обеспечивающем разрядку в отношениях между Западом и Востоком, может быть найдено только в том случае, если Запад будет последовательно продолжать осуществление своей оборонительной политики и своей программы вооружения». Лишь при этом условии возможно было бы, по его мнению, вести переговоры о пяти пунктах его плана² и, следовательно, о плане, предложенном Польшей.

Если учесть, что речь шла о переговорах по поводу атомного разоружения, то совершенно ясно, что такое странное условие могло быть поставлено с единственной целью сделать невозможным какое бы то ни было обсуждение центральной идеи польского плана. Это все равно, что сказать следующее: пока этот план будет обсуждаться, западные державы будут усиленно вооружаться и не откажутся от такой политики независимо от хода переговоров.

Кроме того, Штраус хотел включить в состав «оголенной в военном отношении зоны» почти все страны Центральной и Восточной Европы, входящие в советский блок, не присоединяя в то же время другие западные страны к Федеративной Республике Германии. Наконец, министр обороны ставил еще и другое условие: любое соглашение о создании безатомной зоны должно было также включать план воссоединения Германии. При этом, однако, не уточнялось, каким будет отношение объединенной Германии к Атлантическому союзу и будет ли она по-прежнему входить в его состав.

Излагая свой план депутатам ХДС, Штраус заявил, что это его личные идеи. Такая оговорка была необходима, поскольку речь шла об идеях, столь ошеломляющих. В Бонне даже пронесся слух, будто канцлер Аденауэр, находившийся в то время на отдыхе в Вансе на

¹ Агентство Франс Пресс, 27 февраля 1958 года.

² «Ди вельт», 22 февраля 1958 года.

Лазурном берегу, направил в федеральную канцелярию специальное письмо, в котором неодобрительно отозвался о заявлениях своего министра обороны, упрекая его, в частности, за то, что он слишком поторопился отреагировать на польский план таким образом¹.

Однако федеральное правительство по существу принимало план Штрауса. Это было подтверждено руководителем ведомства печати боннского правительства фон Эккардтом на пресс-конференции 24 февраля. Несколько дней спустя сообщили, что из Ванса канцлер Аденауэр имел со своим министром обороны «весьма сердечный» телефонный разговор, в котором полностью одобрил его заявления.

Как сообщала западногерманская печать, план Штрауса привлек также внимание дипломатических представителей атлантических держав в Бонне и их правительств. 26 февраля агентство Ассошиэйтед Пресс передало из Вашингтона, что этот план с большим интересом воспринят в американской столице, причем агентство без тени иронии добавляло, что план Штрауса рассматривают как «интересную попытку найти сближение с планом Рапацкого!» В тот же день дипломатический корреспондент газеты «Таймс» утверждал, что в английских дипломатических кругах план Штрауса воспринят в качестве исходного пункта для переговоров по польскому плану.

Правда, представитель министерства иностранных дел Англии отказался высказаться на этот счет. Но дело, по-видимому, зашло так далеко, что западногерманские газеты, ссылаясь на «авторитетные источники», уже в начале марта 1958 года имели возможность сообщить, что правительства стран НАТО обсуждали между собой план Штрауса. Согласно этим сообщениям, немецкий план предполагалось разработать в качестве контрпредложения, которое западные державы могли бы противопоставить плану Рапацкого на будущей конференции в верхах.

¹ «Ди вельт», 3 марта 1958 года.

IV

Если бы дебаты о мире велись чистосердечно, с единственной заботой прийти к каким-либо практическим результатам, открывающим путь к решению проблемы мира, то тогда внимание было бы обращено прежде всего на самые лучшие, наиболее надежные и эффективные средства, которые способны к таким результатам привести. Однако на деле различные идеи, предложения и планы оцениваются без учета их подлинной значимости, то есть без учета того, могут ли они служить делу мира. Напротив, если они дают новые шансы на успешное решение проблемы мира, их подвергают нападкам, особенно если эти предложения и планы выдвигаются Востоком. Это происходит потому, что в мире действуют не одни только «люди доброй воли», но также и темные силы, которые не выносят мирной обстановки. Часто эти силы одерживают верх.

Надо признать следующее: имеется политика Фостера Даллеса и канцлера Аденауэра (а также стоящих за ними политических, военных и экономических сил), которая делает ставку на наличие кризиса в международных отношениях и которая заинтересована в том, чтобы напряженность между Востоком и Западом продолжалась, ибо существовать эта политика может лишь в условиях такой напряженности.

Какие упреки делаются в адрес плана Рапацкого? По правде говоря, его не могут ни в чем упрекнуть, поскольку все соглашается с основной его идеей и выражают готовность ее обсудить, пусть даже при этом и выдвигаются «контрпроекты» с целью потопить этот план в дискуссии.

Доводы тех, кто в западном лагере выступил против польского плана, настолько слабы и неубедительны, что

они выдают подлинные причины, по которым польское предложение было отвергнуто.

ВОЗРАЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

План Рапацкого вызвал на Западе возражения политического и военного характера. Однако, как это ни парадоксально, учитывая, что речь идет о проекте, направленном на разрешение военного вопроса, возражения политического характера занимают основное место. Если польский план считают «опасным», то прежде всего потому, что он якобы угрожает «атлантическому единству» и не преследует иной цели, кроме «раскола Запада». В частности, для канцлера Аденауэра в этом, видимо, заключается основная причина, по которой польский план не может быть принят западными державами.

Эту же мысль, но только в иной форме выразил генеральный секретарь НАТО Спаак, когда, выступая 21 февраля 1958 года на завтраке, устроенном для дипломатической прессы в Париже, он заявил, что план Рапацкого неприемлем, поскольку им предусматривается вывод американских войск из Германии, а это, по мнению Спаака, явилось бы началом нейтрализации Западной Германии, а затем и Европы.

Таким образом, польский план подвергается нападкам и отвергается «во имя Европы», ибо, предусматривая «деатомизацию» Федеративной Республики Германии, он якобы наносит ущерб Атлантическому союзу, в который она входит.

Даже не ставится вопрос о том, хорош польский план или плох, реален он или утопичен, служит он делу мира или нет. Его расценивают лишь в зависимости от того, как он может отразиться на «атлантическом единстве», и отвергают потому, что не хотят, чтобы это единство было затронуто, даже если от этого выиграет дело мира. Создается такое впечатление, словно кое-кто больше озабочен тем, чтобы сохранить Атлантический союз, нежели тем, чтобы содействовать делу мира.

Но ведь это же есть полное извращение самого духа Атлантического пакта, по крайней мере если судить о нем по тексту данного документа. Это есть вместе с тем и искажение смысла «европейского единства». Ведь «соз-

дать Европе» хотели для того, чтобы обеспечить «безопасность Запада». Политика Атлантического пакта, то есть политика «европейской интеграции», да и само перевооружение Германии рассматривались, следовательно, только как средство достижения этой цели.

Однако это отнюдь не исключает наличия, а также и поисков других средств и использования их для достижения той же самой цели. Подтверждение тому — дискуссия по вопросам разоружения, переговоры с Москвой. Ясно, что соглашение по первому вопросу или договоренность с Советским Союзом сделали бы совершенно бесполезной атлантическую политику, ибо проблема «безопасности Запада» была бы решена иными средствами.

В противном случае, действуя последовательно, следовало бы отвергнуть также и любые переговоры по вопросу о разоружении или признать, что ведутся они лишь «для проформы», с опаской и неохотой.

При всей своей простоте план Рапацкого относится к категории иных средств. Он открывает путь и к решению проблемы разоружения и к сближению между Востоком и Западом. Главным образом именно под этим углом зрения ему и следует давать оценку.

Между тем польский план потому-то и подвергается нападкам, потому его и отклоняют, что в случае его осуществления появились бы огромные шансы на укрепление мира. Действительно, считать этот план «опасным» для «атлантического единства» означает не что иное, как признавать, что он способен в значительной мере обеспечить безопасность Запада, сделав при этом бесполезной всю атлантическую систему обороны. Ибо, если бы польский план достиг своей цели, существование этой системы потеряло бы всякий смысл.

Таким образом, создается совершенно обратное положение. «Безопасность Европы» остается вне поля зрения. Все заботы сводятся к тому, чтобы сохранить атлантическую политику. «Атлантическое единство» превращается в самоцель. Политика западных держав вступает в самую критическую и самую абсурдную для политики фазу, когда средство становится целью.

Бесспорно, «деатомизация» Федеративной Республики Германии неизбежно привела бы к ее нейтрализации, что для западных держав кажется кошмарным. Нейтра-

лизовать Западную Германию значит лишиться ее «вклада в оборону Европы», который считается необходимым, ибо только ради него и предпринималось восстановление и перевооружение Западной Германии.

Однако, если бы соглашение по вопросу о разоружении было достигнуто, Запад мог бы обойтись для своей обороны и без «вклада» Германии, а это было бы равносильно ее нейтрализации.

Поговаривают, конечно, и о том, что само слово «нейтрализация» уже не подходит для эпохи бомбардировщиков дальнего действия и телеуправляемых снарядов¹. Но спрашивается, какую пользу в эту эпоху развития военной техники может принести западным странам выдвижение их оборонительной линии на какие-нибудь 300 километров к востоку путем включения Федеративной Республики Германии в атлантическую систему и стоит ли противиться нейтрализации Западной Германии ради сохранения этого более чем спорного преимущества? Не лучше ли серьезно изучить предоставляемую польским планом возможность создать по другую сторону восточной границы Западной Европы нейтральную зону протяженностью в 1200 километров?

Возникает, впрочем, и другой вопрос: является ли боязнь нейтрализации Западной Германии действительно искренней? Ведь ее противники говорят о том, что польский план может обсуждаться только вместе с проблемой воссоединения Германии. Если план Рапацкого будет осуществлен одновременно с восстановлением германского единства, то тогда не понятно, почему нейтрализация всей Германии, которая в этом случае имела бы место, оказалась бы менее «опасной» и более приемлемой для Запада, чем нейтрализация Федеративной Республики Германии.

Применяя ту же самую логику, исходя из которой план Рапацкого считают «неприемлемым» на том основании, что он повлек бы за собой нейтрализацию Западной Германии, следовало бы равным образом и аргументированно отвергнуть воссоединение Германии, ибо его нельзя осуществить без некоторого изменения политики союзов боннского правительства, поскольку русские никогда не

¹ Заявление Селвина Ллойда в палате общин 20 декабря 1957 года.

согласятся на то, чтобы политическая ориентация объединенной Германии осталась такой же, какой является политика Федеративной Республики Германии.

ВОЗРАЖЕНИЯ ВОЕННОГО ХАРАКТЕРА

Что касается возражений военного характера, то они стоят не больше, чем возражения политического характера.

В своем ответе от 12 января 1958 года на послание председателя Совета Министров СССР от 10 декабря 1957 года президент Эйзенхауэр поставил под сомнение целесообразность польского плана. «...Нет особого смысла, — говорил он, — в создании ограниченной безатомной зоны, в то время как, по вашим же словам, дальность действия современного оружия не знает географических пределов».

Если этот аргумент верен в том смысле, в каком пользуется им президент, то тем более он верен в противоположном смысле: действительно, можно сказать, что еще менее целесообразно «атомизовать» столь ограниченную зону, как Федеративная Республика Германии.

19 декабря 1957 года Штраус заявил на пресс-конференции, что, по мнению германских военных руководителей, которое он также разделяет, оснащение бундесвера баллистическими снарядами было бы нецелесообразным, поскольку Западная Германия для этого не пригодна. На пресс-конференции 19 февраля 1958 года тот же Штраус заявил, что военные руководители Западной Германии возражают против оснащения бундесвера ракетами дальнего действия. Германское командование, говорил министр, считает, что по соображениям военного и географического характера бундесвер должен располагать лишь «тактическими» снарядами обычных образцов, дальнобойность которых не превышает 300 километров. Штраус счел нужным подчеркнуть, что такая точка зрения применима только к вооруженным силам Западной Германии и оправдывается тем обстоятельством, что ее армия обеспечивает форпосты обороны Запада, а тяжелую артиллерию не надлежит размещать на передних линиях. Дальнобойные средства, утверждал

все тот же министр обороны ФРГ, следует размещать возможно дальше от предполагаемого агрессора, чтобы укрыть их от наземного и воздушного нападения¹.

Тот факт, что в конечном счете Федеративная Республика Германии получит атомные ракеты «тактического» действия, то есть ракеты, дальностью которых равна 1000—2500 километрам, — это, как мы увидим ниже, другой вопрос. Важно, что по соображениям военного и географического характера оснащение бундесвера атомными ракетами было признано нецелесообразным.

Обе руководящие военные инстанции Атлантического союза — Штаб верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами Североатлантического союза в Европе и Постоянная группа — высказались против плана Рапацкого, ибо он, по их мнению, наносил ущерб безопасности Запада. Такой аргумент тоже имеет широкое хождение у западных комментаторов. Этот ущерб проистекает якобы из того, что осуществление польского плана изменило бы соотношение сил в Европе в пользу русских. План Рапацкого, говорят его противники, в конечном счете лишил бы вооруженные силы западных стран атомного оружия, в то время как им по-прежнему будут противостоять превосходящие их по численности «обычные» вооруженные силы Советского Союза. А это означает, что в случае локальной войны в безатомной зоне Запад был бы заранее обречен на поражение.

Между тем в действительности осуществление польского плана не внесло бы никакого существенного изменения в военную ситуацию в Европе, поскольку со времени окончания второй мировой войны соотношение сил на континенте всегда было в пользу русских, если не считать короткого периода, когда американцы обладали монополией на атомную бомбу.

Довод относительно безопасности западного мира имел бы смысл в том случае, если бы атомное вооружение атлантического блока превосходило атомное вооружение советских вооруженных сил в Центральной

¹ Эти же мысли Штраус развивал в марте 1958 года во время своего пребывания в США, куда он отправился для переговоров о поставках бундесверу американских ракет среднего радиуса действия.

Европе настолько, что могло бы компенсировать численное превосходство последних. Известно, однако, что дело обстоит не так. Следовательно, советские вооруженные силы, располагающие атомным оружием, представляют для обладающих атомным оружием атлантических вооруженных сил куда большую опасность, чем если бы они располагали одним лишь «обычным» вооружением. Поэтому нет ничего удивительного, если западные военные комментаторы, как, например, комментатор газеты «Таймс», считают, что отказ Западной Германии от атомного оружия не нанес бы ни малейшего ущерба безопасности Запада.

Имеется, конечно, еще один известный тезис атлантической стратегии, который лежит в основе политики союза с Западной Германией и ее перевооружения. В соответствии с этим тезисом оборона Европы должна быть выдвинута возможно дальше на восток. Но если этот тезис мог быть выдвинут в период создания Атлантического союза, когда проблема обороны Запада рассматривалась в зависимости от «обычных» вооружений, то сегодня он уже устарел и непригоден для эры телеуправляемых снарядов и бомбардировщиков дальнего действия, то есть непригоден по тем же самым соображениям, по каким президент Эйзенхауэр не усматривает целесообразности в польском плане.

К тому же известно, что вопреки всем опровержениям и протестам американцев подлинной стратегией Пентагона является «периферийная стратегия», которая, по существу, не принимает в расчет Западной Германии. И, безусловно, именно это имел в виду генерал Норстэд, когда 23 декабря 1957 года заявил в Париже, что с военной точки зрения польское предложение не затрагивает оборонительной системы НАТО.

План Рапацкого упрекают еще и в том, что он не учитывает «обычных» вооружений и наличия иностранных войск на территории стран безатомной зоны. Говорят, что предлагаемые этим планом меры следовало бы дополнить соответствующим сокращением «обычных» вооружений, а в дальнейшем — выводом иностранных войск.

Но ведь именно перспектива вывода этих войск, за которым автоматически и одновременно последовало бы урегулирование вопроса об «обычных» вооружениях,

именно она-то и пугает противников польского плана. Когда, скажем, комиссия по вопросам обороны Консультативной ассамблеи Западноевропейского союза называет его «ловушкой», то происходит это потому, что, как выразился Ги Молле, план этот якобы требует от западных стран отказа от «европейского щита». По той же самой причине генеральный секретарь НАТО Спаак заявил 23 апреля 1958 года на пресс-конференции в Бонне, что «не следовало бы предпринимать ничего такого, что могло бы повлечь за собой вывод американских войск из Европы».

Тревогу при мысли о том, что осуществление плана Рапацкого может повлечь за собой эвакуацию американских войск из ФРГ, проявляют, в частности, немцы Западной Германии, ибо для канцлера Аденауэра и его правительства это означало бы «полный конец». Подобный страх является лейтмотивом всех заявлений ответственных деятелей Западной Германии. «В Бонне,— говорилось в сообщении от 17 февраля из столицы ФРГ,— опасаются, что в случае, если Соединенные Штаты Америки будут вынуждены отказаться от вооружения своих войск в Германии современным оружием, они выведут их». А федеральное правительство из соображений безопасности не могло бы с этим согласиться¹. Канцлер Аденауэр настойчиво подчеркивал это в ходе больших дебатов о внешней политике своего правительства, происходивших в бундестаге в январе 1958 года.

Если бы западные страны и, в частности, Западная Германия искренне заботились об обеспечении безопасности, то тогда они должны были бы приветствовать польский план именно потому, что он неизбежно влечет за собой вывод иностранных войск с территории стран безатомной зоны, которую предлагается создать. Ибо только тогда исчезло бы несоответствие в вооруженных силах в пользу русских, существующее в настоящее время.

Подавляющее превосходство Советского Союза в области «обычных» вооружений, которое, по мнению стратегов НАТО и Западной Германии, представляет подлинную «опасность» для Федеративной Республики Гер-

¹ «Ди вельт», 18 февраля 1958 года.

мании и для Запада в целом, останется за ним до тех пор, пока его войска будут находиться в Центральной Европе. Эта «опасность» полностью сохранилась бы даже после оснащения новой германской армии атомным оружием, к чему собираются прибегнуть, чтобы противостоять численному превосходству русских, поскольку они обладают также и этим оружием. Такая «опасность» исчезнет лишь в тот день, когда все иностранные войска, находящиеся в зоне плана Рапацкого, будут из нее выведены.

Не следует забывать, что все военные учения НАТО в Западной Германии приводят к выводу о том, что в случае развертывания «классических» военных операций ее территория для обороны практически не пригодна. Уже в начальной стадии возможной войны между Востоком и Западом Федеративная Республика Германии была бы захвачена вражескими войсками и большинство ее крупных городов было бы разрушено. Лишь на дальнейшей стадии операций могла бы быть пущена в ход американская атомная стратегия так называемых «репрессалий», с тем чтобы «восстановить положение» и «обеспечить победу» западным союзникам... на развалинах Германии¹.

¹ В официальном органе бундесвера «Веркунде» (апрель 1958 года) один из экспертов министерства обороны ФРГ полковник Вильгельм Колер, которому министерство поручило разработать план «массового переселения» жителей Западной Германии на случай войны, публикует подробный план этой операции, дающей представление о невозможности оборонять территорию Федеративной Республики Германии. План этот предусматривает эвакуацию на запад, еще до начала военных действий, 80 процентов немцев, живущих на расстоянии менее 100 километров от границы, то есть примерно 9800 тысяч человек, и в дальнейшем эвакуацию жителей, проживающих на расстоянии от 100 до 150 километров от границы, то есть еще 14 200 тысяч человек. Более того! План в целом основан на предположении, что до начала военных действий организаторы эвакуации будут иметь в своем распоряжении всего несколько дней, насыщенных бурными политическими событиями. Таким образом, вся атлантическая стратегия — свидетельство тому американские самолеты, день и ночь летающие с атомным грузом над территорией западных стран и готовые в любой момент вступить в действие, — исходит из предположения, что русские осуществят внезапное нападение. Следовательно, если эту стратегию принимать всерьез, то невозможно рассчитывать на организованную эвакуацию гражданского населения Западной Германии.

Между тем, если советские войска уйдут из Восточной Германии и Польши, то есть из стран Центральной Европы, включаемых в безатомную зону, то тогда Западной Германии нечего будет опасаться нападения.

Но, возможно, у боннских руководителей имеются другие, скрытые причины категорически настаивать, чтобы американские войска в течение неопределенного срока продолжали находиться на территории Федеративной Республики Германии.

Вообще говоря, возникает законный вопрос: неужели оснащение западногерманской армии атомным оружием, как, впрочем, и ее перевооружение, дает Федеративной Республике Германии и всем западным державам больше преимуществ, чем деатомизация обширного района Центральной Европы от Рейна до западной границы Советского Союза и отвод русских войск за эту границу?

ТУПИК ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО!

Слабость и несостоятельность аргументов, которые выдвигаются с целью отклонения польского плана, подтверждает впечатление, что в этом вопросе у западных держав — американцев и немцев, задающих тон, французов, парализованных войной в Алжире и нуждающихся в американских кредитах, а потому пассивно следующих за США, и англичан, держащихся на расстоянии, — имеется твердая решимость добиться срыва польского предложения. Эта решимость особенно ярко и убедительно проявилась в выдвигании на первый план проблемы разоружения и проблемы воссоединения Германии, то есть двух вопросов, составляющих главное препятствие на пути к переговорам и соглашению с Москвой.

Большое своеобразие плана Рапацкого, как мы это уже видели, состоит в том, что он отделил вопрос о деатомизации Центральной Европы от проблемы разоружения в целом, чтобы облегчить возможность частичного соглашения, поскольку переговоры о разоружении зашли в тупик. «Нельзя эту проблему ставить таким образом, чтобы все предложения о разоружении были связаны друг с другом», — говорил Рапацкий в своем заявлении от 13 декабря 1957 года. Наоборот,

следует «воспользоваться всеми возможностями частичных соглашений, ограничиваясь определенными видами вооружения и определенными территориями».

Кроме того, поскольку проблема разоружения систематически используется для срыва любого соглашения между Западом и Востоком, Рапацкий разоблачал и этот маневр, который сейчас пытаются пустить в ход против его плана. Так, 13 декабря 1957 года он заявил: «Тот, кто утверждает, что невозможно сделать хотя бы кое-что до тех пор, пока не будет сделано все, способствует созданию тупика». «Ставить создание зоны, свободной от атомного оружия, в зависимость от других проблем, относящихся к разоружению Европы или к разоружению вообще,— говорил далее польский министр иностранных дел,— значило бы совершать серьезную ошибку или пытаться умышленно тормозить всякий прогресс». Ибо это равносильно стремлению «потопить простой вопрос в потоке более сложных проблем» и отвергнуть польское предложение «при помощи того же самого метода, который завел в тупик проблему разоружения».

Но польский план как раз и упрекают в том, что он отделяет деатомизацию Центральной Европы от проблемы разоружения в целом. Если верить его хулителям, то именно в этом и состоит один из крупных «недостатков» этого плана. Американцы отвергают его потому, что «он не затрагивает существа проблемы разоружения». Они говорят, что этот план невозможно рассматривать вне связи с данной проблемой. Для канцлера Аденауэра дело обстоит еще серьезней: этого «великого пацифиста» может удовлетворить лишь «всеобъемлющее» решение проблемы разоружения.

К чему клонили немцы, показал Штраус, когда, претендуя на «исправление недостатков» плана Рапацкого в части, касающейся разоружения, он хотел связать его с этим вопросом, причем довольно своеобразным способом. Создание «оголенной в военном отношении зоны», которая предусматривалась планом Штрауса, мыслилось как «этап» в решении проблемы разоружения с той, однако, особенностью, что «географически ограниченное» разоружение в соответствии с этим планом должно было осуществляться лишь после того, как будет начато общее разоружение. Странный «этап», кото-

рый может считаться преодоленным только после того, как будет пройден весь путь... Однако это — верное средство завести обсуждение вопроса о деатомизации Центральной Европы в тот же самый тупик, в который уже зашла проблема разоружения.

Ибо как раз в этом тупике, если можно так выразиться, боннское правительство нашло бы атомное оружие для своей армии. В интервью, данном 27 июня 1957 года корреспонденту агентства Ассошиэтед Пресс, Штраус говорил, что от успеха или провала переговоров о разоружении зависит решение вопроса о том, должна ли Западная Германия иметь атомное оружие.

ЛИБО ВСЕ, ЛИБО НИЧЕГО

Таким образом, тезис «либо все, либо ничего» также пускается в ход с целью отвергнуть польское предложение. Тезис этот весьма устраивает тех, кто саботирует дело мира. Под видом похвального желания не довольствоваться «полумерами», а добиться чего-то законченного и значительного, они продолжают свою игру, отвергая частичные решения, которые могли бы способствовать достижению больших результатов.

Если природа не делает скачков, то в еще меньшей степени свойственны они политике. Будучи «искусством возможного», она действует постепенно, этапами. Именно этому «классическому» методу последовали западные державы, когда они решили организовать «систему безопасности», что, по их мнению, должно было иметь первостепенное значение. Чтобы добиться поставленной цели, они стали искать частичного и ограниченного решения, которое вместе с тем можно было бы немедленно осуществить, и при этом несколько не стремились ко «всеобъемлющим» решениям. В результате был создан Североатлантический пакт, по существу своему пакт региональный. То же самое относится к СЕАТО и к Багдадскому пакту. Более того, еще сегодня дискутируется проблема о том, целесообразно ли сливать эти три региональных пакта, чтобы превратить их во «всеобъемлющую» систему безопасности. Причем западные страны не торопятся осуществить это слияние, безусловно считая, что они могут обойтись и без него, а цель,

которую они поставили, в достаточной степени достигнута и при наличии региональных соглашений.

Тезис «либо все, либо ничего» не был принят во внимание и на Женевском совещании «Большой четверки» в июле 1955 года. Главы правительств рекомендовали своим министрам иностранных дел рассмотреть возможность заключения пакта о безопасности «для Европы или для части Европы», что также явилось бы частичным решением проблемы обеспечения коллективной безопасности, решением ее в региональном плане, этапом на пути к «всеобъемлющему» решению этой проблемы.

Еще позднее в двух официальных документах, завершивших работу сессии Совета НАТО в декабре 1957 года в Париже, в общей декларации пятнадцати государств и в их заключительном коммюнике безусловно признавался метод разоружения «по этапам».

Кстати заметим: когда Федеративная Республика Германии и другие западные страны предлагают решить вопрос о воссоединении Германии в качестве «предварительного» условия любых переговоров о разоружении или о нормализации отношений между Востоком и Западом, утверждая, что урегулирование этих вопросов было бы облегчено урегулированием вопроса о воссоединении Германии, они опять-таки прибегают к методу частичных решений, являющихся этапами на пути к «всеобъемлющим» решениям.

«ПРОВИДЕНИЕ» Д-РА АДЕНАУЭРА

Таким же образом обстоит дело и с другим «недостатком», который ставится в упрек польскому плану и который заключается в том, что он не учитывает воссоединения Германии. План Рапацкого отвергают, между прочим, и потому, что он якобы «ничем не облегчает» разрешение этой проблемы. Фон Brentано высказался на этот счет совершенно категорически¹. По его словам, основная причина, вынуждающая федеральное правительство отклонить польский план, состоит в том,

¹ Заявление 20 февраля 1958 года на заседании парламентской фракции ХДС, о котором говорилось выше.

что этот план оставляет в стороне воссоединение Германии, а федеральное правительство хотело бы увязать одно с другим, как это было сделано в плане Штрауса.

Подобный маневр теперь уже стал классическим. Он состоит в том, что для срыва любых переговоров или любого проекта, которые считаются «опасными» для боннской политики, на передний план выдвигается воссоединение Германии. Маневр удался и на этот раз. Не говоря уже об американцах, которые первыми выступили на защиту западногерманского тезиса, его поддерживали также французы и англичане.

В ответ на послание председателя Совета Министров СССР от 10 декабря 1957 года премьер-министр Франции Феликс Гайяр писал: «Ваши предложения игнорируют политический аспект рассматриваемых проблем и ограничиваются предложениями военного характера, эффективность которых не доказана». В свою очередь Пино в ответе на письмо министра иностранных дел СССР от 16 февраля 1958 года выражался еще точнее, подчеркивая, что план Рапацкого следует рассматривать не изолированно, а в связи с вопросом о воссоединении Германии.

Что касается англичан, то представитель министерства иностранных дел Англии заявил 18 февраля 1958 года, что английское правительство отклонит любой план атомной нейтрализации Центральной Европы, если он будет идти во вред воссоединению Германии.

Известно, каким образом канцлер Аденауэр при поддержке Фостера Даллеса использовал этот вопрос во время конференции министров иностранных дел в октябре 1955 года в Женеве, чтобы сорвать ее работу и тем самым зачеркнуть решения, которые были приняты главами правительств в июле и шли вразрез с боннской политикой.

Воссоединение Германии сделалось «провидением» канцлера Аденауэра. Он без особого труда выставлял эту проблему на первый план всякий раз, когда надо было завести в тупик не устраивавшие его переговоры. Следовательно, нет ничего удивительного, что она была вновь поднята в связи с польским планом, поскольку речь шла о том, чтобы его провалить.

Этим и объясняется твердость, которую проявили в данном случае поляки и русские. На первый взгляд

казалось, что Н. С. Хрущев допустил «промах» — кое-кто так, впрочем, и утверждал, — когда в своем интервью московскому корреспонденту одной западногерманской газеты он заявил, что между планом Рапацкого и воссоединением Германии не существует связи. Казалось, что этот же «промах» повторил и В. Гомулка, заявив 18 февраля 1958 года корреспонденту газеты «Таймс», что «всякая попытка связать план Рапацкого с вопросом воссоединения Германии лишена всякого реализма». Но первый секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза, так же как и первый секретарь Польской объединенной рабочей партии отлично знали, что своими заявлениями они никоим образом не рискуют «подорвать» шансы на успех плана Рапацкого в Бонне. На сей счет они не могли строить никаких иллюзий. Они были прекрасно осведомлены и об отрицательной позиции федерального правительства в отношении этого плана и об истинных причинах такой позиции. Они стремились именно к тому, чтобы пресечь попытку канцлера Аденауэра вновь использовать вопрос о воссоединении Германии, на этот раз в целях срыва польского плана.

БОЯЗНЬ ПЕРЕГОВОРОВ

Коротко говоря, федеральное правительство отвергло польский план вовсе не потому, что находило его недостаточным, неосуществимым или «иллюзорным», как охарактеризовал этот план канцлер Аденауэр. Федеральное правительство вообще отказалось вести какие бы то ни было переговоры по данному вопросу. То, что в польском предложении представлялось ему особенно неприемлемым, как раз и была самая идея деатомизации Федеративной Республики Германии.

Сначала, учитывая благоприятную реакцию германской общественности на польский план, федеральное правительство, как мы уже указывали, сделало вид, что оно готово начать переговоры, и даже сформулировало свои «контрпредложения», как будто и на самом деле идея польского министра иностранных дел принималась им во внимание и могла явиться основой для переговоров. Так родился «план Штрауса».

Но все это происходило в то время, когда канцлер Аденауэр проводил свой отпуск на Лазурном берегу, а боннские правительственные круги были несколько растеряны в связи с растущим недовольством германского общественного мнения против явного желания правительства оснастить бундесвер атомным оружием.

Картина изменилась, когда канцлер возвратился в Бонн. Еще будучи в Вансе, он поставил в известность свой кабинет и свою партию о том, что лично займется всеми вопросами, касающимися будущей конференции в верхах¹, а значит, и польским планом.

Сразу же по возвращении в Бонн канцлер внушил своему правительству и своей партии тон абсолютной непреклонности. Людей, которые, подобно председателю бундестага Герстенмейеру, ратовали за то, чтобы Запад противопоставил плану Рапацкого ответную «акцию», призвали к порядку. О каких бы то ни было переговорах в связи с польским предложением не могло быть и речи. И эта боязнь переговоров была настолько сильна, что даже план Штрауса, несмотря на то, что он имел целью сорвать план Рапацкого, в конце концов положили под сукно.

¹ По сообщению официального агентства боннского правительства ДПА от 2 марта 1958 года.

V

Отношение немцев и американцев к польскому плану могло быть только отрицательным. Этот план предусматривал «деатомизацию» Федеративной Республики Германии, в то время как оснащение ее армии атомным оружием шло полным ходом, а федеральное правительство вело с Вашингтоном переговоры о поставке для этой армии ракет с атомным зарядом.

Это был действительно решающий момент, когда федеральное правительство, Пентагон и верховное командование НАТО в лице одного американского генерала приступили к проведению политики всеобщего перевооружения Западной Германии, оснащая новый вермахт атомным оружием. Только наивные люди могли полагать, что после подписания Парижских соглашений этот вопрос никогда больше не встанет. Конечно, эти соглашения формально запрещали Федеративной Республике Германии иметь и производить атомное оружие, а канцлер Аденауэр клялся и божился свято их соблюдать. Но это делалось для того, чтобы ввести в заблуждение немецкий народ, а также и соседей Германии и протащить «ограниченное» и «контролируемое» перевооружение Западной Германии.

Оснащение новой западногерманской армии атомным оружием было закономерным результатом политики перевооружения и «европейской интеграции». Вооружение Западной Германии и включение ее в НАТО предпринималось якобы только для того, чтобы обеспечить ее «вклад» в «оборону» Запада. Так гласит официальная версия. Следовательно, с этого момента ограничения, содержащиеся в Парижских соглашениях, утрачивали всякий смысл¹. Ибо для того, чтобы «вклад»

¹ То же самое касается и договора о Европейском оборонительном сообществе.

Западной Германии в «оборону» был действенным, она должна иметь армию, располагающую таким же мощным вооружением, как и армии других стран — участниц НАТО. И чем больше для оправдания перевооружения Западной Германии говорилось об «угрозе советской агрессии», тем очевиднее становился тот факт, что рано или поздно мало что останется от Парижских соглашений и что в конечном счете Западная Германия будет иметь все виды тяжелого оружия, в том числе и атомное оружие, в котором, как полагали, ей можно отказать. Тем более, что после вступления Федеративной Республики Германии в НАТО ее нельзя уже было бы считать второразрядной державой в области вооружений.

ПЕРВЫЙ ШАГ

Несомненно, канцлер Аденауэр, создавая западногерманскую армию, уже подумывал об оснащении ее атомным оружием, так как в интервью, данном в ноябре 1953 года газете американских войск в Западной Германии «Старс энд страйпс», он заявил, что не может представить себе усиление обороны Запада без поставок американского атомного оружия.

В действительности вопрос об атомном вооружении новой западногерманской армии был поставлен сразу же после подписания Парижских соглашений и создания Западноевропейского союза, которые совпали с осуществлением новой стратегии верховного командования НАТО, основанной на атомном вооружении стран — участниц Атлантического пакта; этот вопрос встал тогда, когда новый вермахт еще только начинал возрождаться.

Первый шаг по пути превращения новой западногерманской армии — бундесвера — в «современную» армию, то есть в армию, оснащенную атомным оружием, был сделан в 1954—1955 годах, когда в Западную Германию в первый раз доставили американское атомное оружие. Это были атомные пушки. В феврале 1955 года американским командованием в Западной Германии для осмотра этих орудий была официально приглашена группа из двухсот офицеров вооруженных сил стран — участниц НАТО.

Однако наличие на территории Федеративной Республики Германии американских атомных бомб и ракет с атомным зарядом держалось в полном секрете. Слухи на этот счет систематически опровергались боннскими официальными кругами. Признавалось, что имеется материальная часть для применения атомного оружия, но самих атомных «боеприпасов» нет. Этим было положено начало тактике, которая в дальнейшем получила еще большее распространение и состояла в том, чтобы сообщать правду немецкому народу и народам других стран небольшими дозами.

Секрет был раскрыт лишь в начале 1957 года в результате «болтливости» высшего сфциера английских войск в Германии генерала графа Бэндона, заявившего 13 мая журналистам в своей штаб-квартире в Мюнхен-Гладбахе, что в Западной Германии созданы запасы атомного оружия. Это откровение стоило поста болтливому генералу; но вскоре его заявление было подтверждено представителем министерства обороны ФРГ. Единственная успокоительная подробность в сообщении этого ответственного деятеля заключалась в том, что среди оружия, хранящегося на складах в Западной Германии, нет водородных бомб¹.

С тех пор в западногерманских газетах публикуются сообщения о населенных пунктах и подземных складах, где хранятся американские атомные бомбы и ракеты с атомным зарядом. В одном иллюстрированном еженедельнике, выходящем в Мюнхене, были даже помещены снимки этих, как их называет журнал, «арсеналов смерти»².

Министр обороны ФРГ Штраус 8 апреля 1957 года открыто говорил на пресс-конференции, что на территории Федеративной Республики Германии имеются «атомные боеприпасы». Но, продолжал он для успокоения, подобное оружие есть и в других странах — участницах НАТО, и если они представляют угрозу для Германии, то то же самое можно сказать и об этих странах, в первую очередь о США. Министр обороны добавил, что нельзя заставить уверовать противника в

¹ «Франкфуртер альгемайне», 16 марта 1957 года,

² «Мюнхнер иллюстрирте», 30 марта 1957 года,

то, что мы готовы применить атомное оружие, если мы не будем также располагать на месте атомными боеприпасами¹.

«ПРИМЕР»... КОТОРЫЙ НЕ БЫЛ ПОДАН

Официально боннское правительство придерживалось Парижских соглашений. 25 февраля 1955 года канцлер Аденауэр торжественно заявил в бундестаге: «Во время лондонских переговоров² мы отказались от атомного, бактериологического и химического оружия, с тем чтобы подать пример и быть, таким образом, первыми, кто это сделал». В ноте от 7 сентября 1956 года, направленной СССР федеральным правительством, говорилось: «Федеративная Республика Германии является единственной страной в мире, отказавшейся по своей собственной инициативе не только от всех видов оружия массового уничтожения (атомного, бактериологического и химического), но и от других видов тяжелого оружия». В ноте добавлялось, что «оборонительный характер предпринимаемых Федеративной Республикой Германии военных мероприятий», то есть перевооружение Германии, проявился в этом «со всей очевидностью».

В то время, когда боннское правительство давало советскому правительству приведенное выше заверение, решение об оснащении бундесвера атомным оружием было уже принято, а также проводились первые мероприятия по претворению его в жизнь. Сообщение об этом, как утверждала западноберлинская газета «Телеграф», было распространено в боннских военных кругах.

Военный обозреватель газеты «Франкфуртер альгемайне» Адальберт Вейнштейн, который считается рупором военных кругов, 4 сентября 1956 года писал, что Федеративная Республика Германии будет вынуждена «стать атомной державой», а это повлечет за собой «реконверсию» ее вооружений. США и Англия, по словам того же обозревателя, уже являются атомными державами; Франция готова, чтобы стать ею; ею ста-

¹ «Ди вельт», 9 апреля 1957 года.

² Переговоры, предшествовавшие подписанию Парижских соглашений.

нет, вероятно, и Федеративная Республика Германии. «Реконверсия» — эвфемизм для обозначения оснащения новой германской армии атомным оружием — была, таким образом, найдена уже в 1956 году!

Канцлер Аденауэр 25 января 1957 года подтвердил на пресс-конференции, что бундесвер будет оснащен «атомным оружием малого калибра для тактических целей», которое, как он заметил, будет вскоре рассматриваться как «обычное» оружие¹. А это, по его мысли, означало, что положения Парижских соглашений не будут нарушены.

В феврале 1957 года министр обороны Штраус сформулировал в Евангелической академии в Бад-Болле главную идею программы оснащения бундесвера атомным оружием. Современная армия, заявил он, может быть лишь армией, оснащенной атомным оружием, поскольку «война в Европе будет атомной войной».

В марте 1957 года генерал Норстэд прибыл в Бонн, чтобы, как он сам заявил об этом на пресс-конференции 20 марта², обсудить со Штраусом вопросы, связанные с атомным вооружением бундесвера. Обсуждение, очевидно, зашло довольно далеко, ибо в это время министр обороны ФРГ активно занимался «реорганизацией» бундесвера «применительно к его атомному вооружению»³.

Выступая 5 апреля 1957 года перед журналистами, Аденауэр вновь повторил мысль, высказанную им в приведенном выше заявлении от 25 января. Канцлер продолжал играть на мнимом различии между «тактическим» и «стратегическим» оружием, которое, как он сказал, не следует «сваливать в одну кучу», ибо тактическое оружие следует считать оружием «обычным», чем-то вроде «высокоразвитой артиллерии, без которой не может обойтись современная армия и от которой, следовательно, бундесвер не может отказаться». Трудно в большей степени исказить вопрос о вооружении федеральной армии с целью скрыть от немецкого народа всю серьезность этого мероприятия, то есть с целью обмануть его. Через три дня после этого заявления канцлера в статье военного обозревателя, выражающе-

¹ «Ди вельт», 26 января 1957 года.

² Там же, 21 марта 1957 года.

³ Там же, 8 апреля 1957 года.

го точку зрения кругов бундесвера, опубликованной в близкой к правительству газете, отмечалось, что нет «совершенно никакого различия между тактической и стратегической бомбами» и что они отличаются лишь способом их применения¹.

В это время главнокомандующий бундесвера генерал Хойзингер находился в США, где, согласно сообщению из Вашингтона, опубликованному в газете «Нейе Рейн-цейтунг», он вел переговоры о поставке атомного оружия бундесверу. В то же самое время в Бонне Штраус не постеснялся заявить представителям печати, что в предвидении «реконверсии» вооружения бундесвера ведется подготовка специалистов, умеющих владеть атомным оружием, указав даже — причем с согласия канцлера — сроки осуществления этой «реконверсии»: полтора-два года².

Таким образом, как это подчеркивала одна крупная западногерманская газета, характеризуя обстановку, «мрачная формула реконверсии вооружения» бундесвера переросла стадию неуверенной сдержанности, поскольку планы этой операции уже во всех деталях разработаны боннским министерством обороны³. Но следовало ли этому удивляться? «Атомная интеграция бундесвера, — говорилось в другой крупной западногерманской газете, — почти не представляет трудностей, поскольку эта армия с самого начала мыслилась «применительно к требованиям, которые выдвигает атомное оружие»⁴.

АТОМНАЯ ТРЕВОГА

Дело тогда зашло так далеко, что наиболее компетентные в этом вопросе деятели — немецкие ученые-атомники сочли необходимым поднять свой голос, надеясь остановить федеральное правительство на опас-

¹ «Франкфуртер альгемейне», 8 апреля 1957 года.

² «Монд», 2 мая 1957 года (сообщение из Бонна).

³ «Ди вельт», 9 апреля 1957 года.

⁴ «Франкфуртер альгемейне», 7 апреля 1957 года. В номере той же газеты от 8 апреля была помещена статья военного обозревателя Адальберта Вейнштейна, в которой отмечалось, что «вклад» Федеративной Республики Германии в атлантическую оборону не ограничивается оснащением ее армии «обычным» оружием и что, если даже боннское правительство не будет просить атомного оружия, американцы рано или поздно заставят его иметь это оружие.

ном пути, на который оно вступило. 12 апреля 1957 года восемнадцать профессоров с мировым именем, в частности лауреаты Нобелевской премии Отто Ган и Вернер Хейзенберг выступили в Геттингене, городе, где находится знаменитый Институт физики Макса Планка, с торжественным и волнующим обращением к немецкому народу, предостерегая его от опасности подготавливаемого атомного вооружения бундесвера, и взяли на себя обязательство никогда не оказывать своей помощи в проведении испытаний, направленных на использование атомной энергии в военных целях.

Своим смелым выступлением немецкие ученые-атомники по-своему разоблачили канцлера Аденауэра в том, что он обманывает немецкий народ, когда выступает с утешительными заявлениями, в которых преуменьшается действие атомного оружия на население, и в целях оправдания своей политики ведет лживую игру, разграничивая «тактические» и «стратегические» бомбы, как будто речь идет о каком-то безобидном средстве. «Тактические» атомные бомбы, указывали они, обладают такой же разрушительной силой, что и бомба, сброшенная на Хиросиму. А этим сказано все. В своем манифесте ученые-атомники затронули суть вопроса, подчеркнув, что для такой относительно небольшой страны, как Федеративная Республика Германии, в интересах ее безопасности лучше было бы отказаться от атомного вооружения.

Аденауэр, почувствовав моральное и политическое значение обращения ученых, отреагировал быстро и остро. Уже через несколько часов после опубликования «геттингенского манифеста» канцлер публично ответил его авторам. Он отрицал за ними право высказывать свое мнение по поводу атомного вооружения бундесвера, ибо этот вопрос касается компетенции внешнеполитического ведомства правительства. Ученые, заявил он, не имеют необходимых знаний, чтобы высказывать свое суждение по данному вопросу. Он упрекнул ученых в том, что, прежде чем выступить со своим манифестом, они не посоветовались с ним с целью получить информацию относительно политических причин атомного вооружения бундесвера.

Но любопытнее всего то, что канцлер пытался объяснить выступление ученых-атомников против атомного

вооружения бундесвера... их неосведомленностью о результатах проведенных американцами испытаний средств противоатомной «защиты» гражданского населения и войск. Ученые, указывая на опасность этого оружия, разгромили всю атомную политику Аденауэра, основанную на мифе о «тактическом» оружии, которого якобы население совсем не должно бояться. Канцлер хорошо понял это и попытался отпарировать этот удар, не боясь оказаться в смешном положении.

Но было в его выступлении и кое-что другое. Канцлер несколько исказил истину, утверждая, что ученые не пожелали проконсультироваться с ним, прежде чем выступить с манифестом. Как раз наоборот. До своего выступления они обращались к правительству и направляли ему в письменной форме послания, на которые не последовало ответа. «Вопреки утверждениям Бонна, — заявил в этой связи профессор Хейзенберг, — федеральное правительство в достаточной степени было информировано о нашем намерении выступить с протестом против его атомной политики». Если верить одной западноберлинской газете, ученые лишь ускорили свое выступление, узнав, что правительство в принципе приняло решение об атомном вооружении бундесвера¹.

На следующий день, 13 апреля, на собрании организации ХДС земли Северный Рейн — Вестфалия канцлер произнес речь с целью полностью опровергнуть манифест ученых. Опять повторив вкратце, что ученые «занимаются политикой», ничего в ней не понимая, что они занимаются делом, с которым не знакомы, что они поступили «легкомысленно», а затем, показав «нереальность» их позиции, Аденауэр перевел вопрос в плоскость политики. Прежде всего, заявил он, в соответствии с принципом равноправия Федеративная Республика Германии также должна иметь атомное оружие. «Немыслимо, — заявил он, — чтобы Западная Германия находилась в худшем положении в области атомного вооружения, чем другие члены НАТО». Кроме того, сказал далее канцлер, если бы Федеративная Республика Германии встала на «нереальную» позицию ученых, то это привело бы «к распаду НАТО и к капитуляции свободной Европы перед Советским Союзом». При современ-

¹ «Телеграф», 8 мая 1957 года.

ном международном положении «было бы нереальным отказаться от самого современного оружия, которое лишь одно способно сдержать возможного агрессора».

Однако, подписав Парижские соглашения, канцлер по своей собственной инициативе отказался тем самым от «равноправия» Федеративной Республики Германии в области вооружения, поскольку эти соглашения запрещают федеральной армии иметь на своем вооружении атомное оружие.

Нецелесообразно было бы также вносить какие-либо коррективы в Парижские соглашения, потому что после их подписания не произошло ничего нового. Если в 1954 году считалось «возможным» и «реальным» дать Федеративной Республике Германии специальный режим вооружений, так как было решено вооружить ФРГ и включить ее в Атлантический союз, с тем чтобы она «содействовала защите свободного мира», то в 1957 году пересмотр этого режима ничем не оправдан.

Но наиболее любопытной является та часть заявления канцлера, где он признает сам факт принятия решения об атомном вооружении бундесвера. По его утверждению, он вполне сознавал опасность атомной войны для человечества и решил осуществить атомное перевооружение Германии лишь после того, как взвесил все доводы «за» и «против»¹. Он признал в этом заявлении, что уже давно подумывал об этом. «Атомное вооружение бундесвера, — буквально сказал он, — было и остается для меня делом совести, которое гнетет и тревожит меня день и ночь, каждый час»².

Таким образом, поединок, начавшийся между главой федерального правительства и немецкими учеными-атомниками, обернулся не в пользу первого. Аденауэр настолько ясно это понял, что в конце концов, учитывая огромный резонанс, какой получило в стране выступление ученых, попытался изобразить дело так, будто бы тут имеет место недоразумение, и убеждал, что ученые, по существу, думали так же, как и он, и что они намеревались поддержать усилия федерального правительства, направленные на всеобщее разоружение. 17 апреля он организовал встречу с пятью авторами

¹ Агентство Ассошиэтед Пресс, 15 апреля 1957 года.

² «Ди вельт», 14 апреля 1957 года.

«геттингенского манифеста», после которой было опубликовано сообщение. В нем говорилось о стремлении всеми средствами добиваться от правительств стран Востока и Запада атомного разоружения, но при этом был обойден основной вопрос — об оснащении бундесвера атомным оружием. Было лишь заявлено, что Федеративная Республика Германии сама не будет производить такого оружия, что отнюдь не то же самое.

ИГРА КАНЦЛЕРА АДЕНАУЭРА

В манифесте ученых-атомников отразилось истинное отношение германской общественности к политике атомного вооружения, проводимой федеральным правительством. Произошло то же, что и после решения о вооружении Германии. Впрочем, это было совершенно естественно, если учесть, что речь шла о переходе к заключительному этапу перевооружения.

В свою очередь канцлер Аденауэр хорошо понимал, что его политика атомного вооружения непопулярна, и поэтому не осмеливался проводить ее открыто. Еще в апреле 1957 года, когда, по существу, было принято решение об атомном вооружении бундесвера и в этом плане уже проводилась подготовительная работа, министр иностранных дел ФРГ фон Брентано, отвечая на вопрос, заданный ему на пресс-конференции, решительно заявил, что неправильно утверждать, будто федеральное правительство намерено предпринять оснащение германской армии атомным оружием «в настоящее время». Иными словами, это означало, что, вообще говоря, оно не исключено. Но в противоположность канцлеру, требовавшему для бундесвера атомного оружия на основе принципа равноправия, его министр иностранных дел, по-видимому, усматривал в этом «фатальную неизбежность»; сами события, по его мнению, вынудят оснастить бундесвер атомным оружием¹.

Хитрая уловка канцлера Аденауэра, задавшегося целью обезоружить оппозицию и избавиться себя от всякой ответственности перед германской общественностью, заключалась в том, чтобы прикрыться НАТО и изобра-

¹ Агентство Франс Пресс, 30 апреля 1957 года.

зить дело так, будто бы вооружение бундесвера атомным оружием вытекает из обязательств Федеративной Республики Германии как члена Атлантического союза. Это было абсолютно неверно, ибо Атлантический пакт ничего не предусматривал в отношении атомного вооружения и, кроме того, другие участники союза во время вступления Федеративной Республики Германии в НАТО категорически настаивали на том, чтобы она навсегда отказалась от атомного вооружения.

Этот маневр Аденауэра был сорван генеральным секретарем НАТО лордом Исмеем, заявившим на пресс-конференции 2 мая 1957 года в Бонне, что каждая страна — участница НАТО вольна сама решать вопрос о том, соглашаться или не соглашаться на оснащение своих вооруженных сил атомным оружием. Тем не менее это не помешало канцлеру Аденауэру продолжать свою игру. На следующий день после заявления лорда Исмея официальный представитель федерального правительства фон Эккардт выступил с разъяснением этого заявления, явно стремясь преуменьшить его значение. Он сказал: «Если высшая военная инстанция НАТО — генерал Норстэд решит, что вооруженные силы Атлантического пакта должны быть оснащены атомным оружием, то какой-нибудь партнер по НАТО сможет уклониться от этого общего мероприятия лишь в том случае, если выступит с конкретным контрпредложением»¹. Это означало, что все зависело от решения НАТО.

Такая интерпретация не была даже подтверждена решениями сессии Совета Атлантического пакта, которая как раз в это время состоялась в Бад-Годесберге, под Бонном. Официальное коммюнике, опубликованное 5 мая, после окончания ее работы, ограничивалось заявлением, что Атлантический союз должен быть в состоянии ответить всеми имеющимися в его распоряжении средствами на любую атаку, предпринятую против него. Только американцы поторопились из этого документа заключить, что Совет Атлантического пакта решил таким образом вопрос об атомном вооружении бундесвера². Понятно, почему эта американская под-

¹ Агентство Франс Пресс, 3 мая 1957 года.

² «Ди вельт», 6 мая 1957 года.

дѣржка оказалась для Бонна столь желанной. Фой Брентано, забыв то, о чем он говорил несколькими днями ранее, заявил 6 мая, что «ни теперь, ни в будущем федеральное правительство не откажется от атомного вооружения, если этого не сделает Советский Союз»¹. Это был новый ход аденауэровской дипломатии. Но об этом условии не было и речи, когда по Парижским соглашениям Федеративная Республика Германии отказывалась от такого вооружения.

Через несколько дней, 10 мая, правительственная коалиция в бундестаге отвергла резолюцию социал-демократов, направленную против атомного вооружения бундесвера.

18 мая в Бонне состоялось настоящее «атомное совещание», в котором приняли участие, с одной стороны, канцлер Аденауэр, министр обороны Штраус и главнокомандующий бундесвера генерал Хойзингер, а с другой — генерал Норстэд, специально приехавший из Парижа вместе с генералом Шпейделем. «Официальной» темой этого совещания, явившегося сюрпризом для политических кругов федеральной столицы, было «оснащение» вооруженных сил Атлантического союза, «независимо от их национальной принадлежности», современным оружием в соответствии с решениями сессии Совета Атлантического пакта, состоявшейся в Бад-Годесберге в начале месяца. В действительности речь шла об оснащении бундесвера атомным оружием. Два дня спустя канцлер Аденауэр направился в США, где, несомненно, должно было быть сказано решающее слово по этому вопросу.

Наконец федеральное правительство еще раз выдало свои намерения в связи с обсуждением в бундестаге «атомного закона». Вначале оно хотело добиться принятия поправки к конституции, разрешающей атомное вооружение бундесвера. Но эта попытка провалилась из-за того, что поправка не получила одобрения большинства в две трети голосов, предусматриваемого конституцией, так как против ее принятия выступили социал-демократы. Поэтому между министром по вопросам атомной энергии и социал-демократами было

¹ По сообщению боннского официозного агентства ДПА от 6 мая 1957 года.

достигнуто компромиссное решение, согласно которому «атомный закон» будет касаться «производства и применения атомной энергии в мирных целях».

Для социал-демократов, которые особенно на этом настаивали, задача заключалась в том, чтобы сохранить такое положение, при котором путь к атомному вооружению бундесвера всегда был бы закрыт конституцией. Но именно по этой самой причине «атомный закон» оказался неприемлем для канцлера. 2 июля 1957 года, в день голосования этого закона в бундестаге, когда казалось, что все было решено, 44 депутата от партии канцлера, подчиняясь его категорическому требованию, проголосовали против «атомного закона», представленного правительством и оппозицией. Это как раз и требовалось для того, чтобы закон не получил необходимого большинства в две трети голосов. Аденауэр не хотел «отказаться от возможности атомного вооружения бундесвера»¹.

«КЛОЧОК БУМАГИ»

Решающее слово в оправдание позиции канцлера Аденауэра и его правительства в вопросе атомного вооружения федеральной армии было сказано генералом Норстэдом. 26 февраля 1958 года в интервью, переданном по западногерманскому телевидению, верховный главнокомандующий вооруженными силами Атлантического союза, отвергнув план Рапацкого, заявил, что с военной точки зрения совершенно необходимо, чтобы вооруженные силы Западной Германии были оснащены атомным оружием. «Совершенно непостижимо, — добавил генерал Норстэд, — чтобы западногерманским войскам была отведена второстепенная роль, в результате чего они могли бы стать непригодными для обороны».

Правительственные круги Бонна сделали вид, будто они отмежевываются от этого выступления верховного главнокомандующего НАТО. Было отмечено, что выступление генерала Норстэда является лишь заявлением «военного эксперта», которое никоим образом не предопределяет точку зрения федерального правитель-

¹ «Ди вельт», 3 июля 1957 года.

ства¹. Выступая через день на завтраке, устроенном для представителей иностранной печати в Бонне, министр обороны Штраус сказал, намекая на заявление генерала Норстэда, что оно соответствует военной доктрине НАТО, но что федеральным правительством еще не принято решения об оснащении бундесвера атомным оружием².

Однако было очевидно, что выступление верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО было сделано с полного согласия канцлера Аденауэра, если не инспирировано им. В своей борьбе с западногерманским общественным мнением глава федерального правительства очень нуждался в такой поддержке³. Тем более, что, согласно сообщению пресс-бюллетеня социал-демократической партии, атомная политика канцлера встретила также сопротивление внутри его собственной партии.

Впрочем, в действительности генерал Норстэд лишь повторил в своем выступлении все положения канцлера, касающиеся атомной политики федерального правительства, начиная с основного положения, согласно которому НАТО — главный арбитр в вопросе атомного вооружения бундесвера. Генерал Норстэд изложил идеи канцлера Аденауэра и тогда, когда он выразил, например, уверенность в том, что, как только будет закончено изучение вопроса об оснащении вооруженных сил НАТО атомным оружием, Советом Атлантического пакта будут рассмотрены и одобрены рекомендации атлантического верховного командования, «все страны союза, в том числе и Федеративная Республика Германии», примут «необходимые меры, чтобы внести свой собственный вклад в оборону союза». Генерал Норстэд говорил точно так же, как и Аденауэр, когда заявлял о праве Федеративной Республики Германии иметь и атомное оружие или когда он сказал, что «непостижимо» (канцлер сказал «немыслимо»), чтобы с Федеративной Республикой Германии обходились в этом вопросе иначе, чем с другими странами — участницами НАТО, или, наконец, когда он оправдывал атомное вооружение

¹ Согласно заявлению руководителя ведомства печати федерального правительства.

² Агентство Франс Пресс, 27 февраля 1958 года.

³ «Таймс», 27 февраля 1958 года (телеграмма из Бонна).

бундесвера изменением международной обстановки, вследствие чего Федеративная Республика Германии должна иметь атомное оружие до тех пор, пока не изменится эта обстановка. (До тех пор, пока не будет заключено всеобщее соглашение о разоружении, — сказал канцлер Аденауэр.)

Короче, верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО полностью соглашался с главой федерального правительства, когда рассматривал как «клочок бумаги» Парижские соглашения, которые, открыв Западной Германии двери в Атлантический союз, содержали в себе и предписывали все, что эти два деятеля отвергают сейчас как нечто «непостижимое» или «немыслимое».

VI

Вопрос о ракетах занимает особое место в мрачном деле атомного вооружения нового вермахта, еще более мрачном, чем просто перевооружение Западной Германии. А это говорит о многом.

Ракеты относятся к такой категории снарядов, которые при всем желании невозможно превратить в «оборонительное» оружие. Как бы ни старались играть определениями «тактическое» и «стратегическое», ракеты с атомным зарядом являются в высшей степени наступательным оружием, обладающим огромной разрушительной мощью и применяемым прежде всего против гражданского населения.

Западной Германии и атлантической стратегии отводится роль «щита», то есть роль оборонительная. Ее «вклад» в «оборону Запада» определяется не столько количеством предоставляемых ею дивизий, сколько возможностью выдвинуть границы «Европы» на несколько сот километров к востоку. Такова была по крайней мере концепция, господствовавшая во время обсуждения вопроса о перевооружении Западной Германии. Германии предписывались ограничения, лимитирующие потенциал новой западногерманской армии, и выражалось удовлетворение в первую очередь тем, что после включения Западной Германии в НАТО «оборона» Запада отодвигалась «возможно дальше на Восток».

Правда, согласно так называемой стратегии «репрессалий», выдвинутой Фостером Даллесом, а в сущности официальной стратегии Атлантического союза, как ее себе представляют в Вашингтоне, «тактические» и «стратегические» ракеты с атомным зарядом являются «оборонительным» оружием, ибо возможность запуска их на территорию «возможного агрессора» должна на последнего действовать отрезвляюще. Но если даже и

согласиться с такой концепцией «обороны Запада», то нельзя оправдать оснащение бундесвера ракетами с атомными зарядами. Прежде всего потому, что территория Западной Германии не пригодна для создания стартовых площадок для запуска этих ракет и, во-вторых, потому, что в состав Западного союза входят и другие страны, которые гораздо больше, чем она, подходят для этой цели.

«РАКЕТНЫЙ ПСИХОЗ»

Впервые вопрос об оснащении ракетами всех стран, входящих в НАТО¹, открыто обсуждался в декабре 1957 года на сессии Совета НАТО в Париже, куда прибыл Фостер Даллес, решивший заставить союзников США согласиться на размещение на их территории установок для запуска ракет. Но уже задолго до того, как об этом стали говорить в западных странах, в Германии существовало Германское рабочее сообщество по ракетной технике, объединявшее немецких специалистов, участвовавших в создании ФАУ-1 и ФАУ-2. С другой стороны, во Французском научно-исследовательском институте в Сен-Луи (Верхний Рейн), основанном вскоре после окончания войны и в котором были построены ракеты, проходившие испытания в Сахаре, наряду с французскими специалистами работали специалисты Берлинского баллистического института ВВС, то есть люди, участвовавшие в создании ФАУ-1 и ФАУ-2. Работая под руководством немецкого профессора Шардина², эти специалисты принимали участие и в создании французских ракет, испытывавшихся в Сахаре. Однако надо отметить, что их положение не имеет ничего общего с положением немецких ученых-атомников, «похищенных» американцами в конце войны. Эти бывшие сотрудники фон Брауна находились, так сказать, в «командировке». Позднее между Францией и Федеративной Республикой Германии относительно их деятельности было заключено официальное соглашение, в

¹ На англо-американском совещании, состоявшемся в феврале 1957 года на Бермудских островах, обсуждался вопрос о поставке американских ракет Англии.

² «Монд», 2 апреля 1958 года.

основе которого лежало франко-германское сотрудничество в производстве атомного оружия.

Уже в начале 1957 года ракеты также были включены в «реконверсию» вооружения бундесвера. В марте этого года западногерманская печать отмечала, что в боннских военных кругах рассматривался вопрос о том, должен ли бундесвер быть оснащен также и ракетами с атомным зарядом. Во время своей поездки в США в апреле главнокомандующий бундесвером генерал Хойзингер также обсуждал с компетентными американскими властями вопрос о поставке бундесверу ракет. Тем же самым занимался и министр обороны Штраус, посетивший в мае Лондон. В связи с этим из «весьма надежного» западногерманского источника стало известно, что «разработка планов вооружения федеральной армии ракетами» уже продвинулась далеко вперед¹.

В Бонне все время утверждали, что оснащение бундесвера ракетами с атомным зарядом отнюдь не входило в намерения федерального правительства. Министр обороны Штраус заявил на пресс-конференции 14 ноября 1957 года, что бундесвер будет оснащен ракетами, и даже перечислил при этом их типы, сообщив, однако, что эти ракеты... не будут иметь атомной боевой части! «Пришло время, — сказал он, — положить конец ракетному психозу, который охватил печать»².

Это была все та же тактика: преподносить немецкому народу правду небольшими дозами. Ракеты без атомной боевой части... То же самое говорилось, когда впервые шла речь о наличии атомного оружия на территории Федеративной Республики Германии: утверждалось, что для атомных пушек будто не имеется атомных «боеприпасов». Тогда тот же Штраус раскрыл истину, заявив, что это бессмыслица, так как, чтобы эти орудия могли оказывать свое действие на «возможного агрессора», они должны быть заряжены.

Теперь оставалось только ждать тех предложений, которые американцы собирались сделать своим европейским союзникам на декабрьской сессии Совета НАТО в Париже. Это была малообнадеживающая перспектива для тех, кто выступал против атомной политики

¹ «Дейли экспресс», 10 мая 1957 года.

² «Дер шпигель», 11 декабря 1957 года.

федерального правительства. Не только потому, что говорили о том, что бундесвер уже получил ракеты, различные типы которых упоминаются в заявлении Штрауса от 14 ноября, но и потому, что подозревали, что канцлер Аденауэр заранее дал свое согласие на размещение на территории Федеративной Республики Германии установок для запуска ракет. За несколько дней до открытия Парижской сессии Совета НАТО обе оппозиционные партии — социал-демократы и свободные либералы — потребовали, впрочем напрасно, чтобы канцлер недвусмысленно разъяснил позицию своего правительства в вопросе о ракетах.

Пытаясь уклониться от такого разъяснения, боннские официальные круги вначале даже поставили под сомнение тот факт, что Парижская сессия Совета НАТО будет рассматривать вопрос о ракетах. 10 декабря руководитель ведомства печати федерального правительства заявил журналистам, что в Париже не будет принято никакого решения. Но это утверждение было опровергнуто сообщениями из Вашингтона, в которых отмечалось, что Фостер Даллес намерен обсудить с союзниками США вопрос о создании на их территории установок для запуска ракет. Потому и было заявлено, что канцлер Аденауэр не примет в Париже никакого решения — ни за, ни против американских предложений о ракетах. Сообщалось, что окончательное решение будет принято после обсуждения в бундестаге. А это означало, что решение, по существу, уже было принято, ибо уже тогда можно было предвидеть результаты его обсуждения в парламенте, где все решало правительство большинства.

КРАСНОРЕЧИВЫЕ ДАТЫ

В вопросе о ракетах особенно красноречивыми являются даты. Когда между Бонном и Вашингтоном начались соответствующие переговоры, то для США этот вопрос еще не был столь срочным, каким он стал впоследствии. США располагали широкой сетью военно-воздушных баз, расположенных вокруг территории Советского Союза, в Европе, на Среднем и Дальнем Востоке, откуда их стратегическая авиация могла дости-

гнуть всех жизненно важных центров СССР. Ответить американцам тем же самым русские были не в состоянии. Таким образом, США оставались неуязвимыми и вне опасности атомного нападения со стороны СССР. Значит, если тогда и шла речь об оснащении бундесвера ракетами, то, конечно, не для того, чтобы использовать их в оборонительных целях.

Для США обстановка изменилась лишь в августе 1957 года, когда 26 августа русские объявили об успешном испытании межконтинентальной ракеты. Только тогда американцы, располагавшие лишь ракетами среднего радиуса действия, оказались позади русских и, для того чтобы восстановить равновесие в области ракетной техники, сочли необходимым разместить установки для запуска ракет также и на территории европейских государств, где они имели лишь военно-воздушные базы. Тем более, что, по предположениям экспертов Пентагона, США понадобилось бы четыре-пять лет, чтобы догнать Советский Союз в области межконтинентальных ракет.

Если после 26 августа 1957 года между Бонном и Вашингтоном все время шли переговоры о ракетах, то вовсе не потому, что после этой даты положение изменилось. Конечно, переговоры велись бы, даже если бы у русских и не было межконтинентальных ракет, ибо об этом речь шла и раньше. Следует сказать, что оснащение бундесвера ракетами с атомным зарядом не имело ничего общего ни с обороной США, ни со стратегией «репрессалий», ни даже с обороной Западной Европы, а касалось лишь политики перевооружения Западной Германии, которая с самого начала была задумана в Вашингтоне и Бонне.

Во всяком случае, вопрос о ракетах, как он был поставлен после сообщения об испытании советской межконтинентальной ракеты, лишал канцлера возможности жонглировать так называемым «тактическим» атомным оружием. Для атомного вооружения Западной Германии, как и других стран, входящих в НАТО, речь могла идти только о таком оружии. Западная Германия могла получить только «тактическое» оружие, и совсем не потому, что это отвечало стремлению федерального правительства «ограничить» атомное вооружение бундесвера, в чем хотел убедить канцлер, а по той простой

причине, что США не располагали другими видами ракет.

Впрочем, если Пентагон и считал бы необходимым оснастить вооруженные силы НАТО также и «стратегическим» ядерным оружием, то бундесвер получил бы свою долю в соответствии с принципом равноправия в области вооружений и ради эффективности его «вклада» в «оборону Запада», благодаря которому он уже оснащен «тактическим» атомным оружием. И тогда Штраус заявил бы по поводу «стратегического» оружия то, что он заявил, например, 25 февраля 1958 года в Бонне, а именно что Федеративная Республика Германии имеет «те же права и те же обязанности, что и другие члены НАТО», и что она должна нести «тот же риск», что и ее партнеры¹.

ПОКЛАДИСТЫЙ ПАРТНЕР

На Парижской сессии Совета НАТО Фостер Даллес с трудом добился от союзников США лишь принципиального согласия на размещение на их территории установок для запуска ракет. Отказ Норвегии и Дании не оправдал надежд американцев, ожидавших совершенно другого от обсуждения данного вопроса. Фостер Даллес не мог действовать иначе, ибо решения НАТО, согласно договору, должны приниматься единогласно.

Для боннской Германии это означало, что она более чем когда-либо свободна принимать по этому вопросу какое угодно решение без оглядки на НАТО. Но подобная свобода очень не нравилась правительству Западной Германии. Она путала все карты канцлера Аденауэра, который и свое окончательное решение о ракетах, а также об оснащении бундесвера атомным оружием вообще ставил в зависимость от решения НАТО.

Правда, на Парижской сессии Совета НАТО канцлер обратил на себя внимание своей сдержанностью, которая удивила его партнеров. Уже поговаривали о его «повороте», что было наиболее примечательным фактом на совещании. Только один шаг оставалось сделать к выводу о том, что федеральное правительство не же-

¹ Агентство Франс Пресс, 28 февраля 1958 года.

дает размещения на своей территории установок для запуска ракет. И шаг этот не замедлил сделать федеральный министр обороны в день окончания работы сессии Совета НАТО, когда он выступил с одним из тех неожиданных заявлений, к которым нас приучили боннские руководители и которые направлены на маскировку фактов.

Выступая перед журналистами, Штраус сказал, что западногерманские военные руководители выступают против оснащения бундесвера баллистическими ракетами. Если Парижская сессия Совета НАТО, сказал он далее, желает принять в принципе решение о размещении на территории стран — участниц НАТО установок для запуска ракет, то генерал Норстэд не может помышлять о размещении их в каждой из этих стран, ибо каждая из них, учитывая свое географическое положение, вправе решать, соглашаться или нет. По мнению министра обороны и западногерманских военных руководителей, Западная Германия для этого не пригодна.

Штраус точно толковал решение Парижской сессии Совета НАТО о ракетах, которое ни к чему не обязывало федеральное правительство. Но канцлер Аденауэр был не согласен в этом со своим министром обороны. Казалось, что он не считается с мнением западногерманских военных руководителей относительно ракет, на которое ссылался Штраус, чтобы решительно отказаться от оснащения бундесвера этими ракетами. Решения Парижской сессии Совета НАТО по этому вопросу заставили Аденауэра попросту изменить позицию. Будучи не в состоянии больше поддерживать тезис о полном подчинении федерального правительства решениям НАТО, он заявил теперь о своей готовности подчиняться приказам верховного главнокомандующего вооруженными силами Атлантического союза.

Таков был смысл заявления, сделанного канцлером иностранным корреспондентам на другой день после окончания Парижской сессии Совета НАТО. Еще раз отвергнув план Рапацкого, он дал понять, что последнее слово по вопросу об оснащении бундесвера ракетами принадлежит генералу Норстэду. «Хотелось бы увидеть такое государство, — сказал он, — которое ответило бы отказом, когда ему скажут, что по военным соображениям оно должно провести то или иное меро-

приятие». И он заявил далее, что было бы «нелепостью сказать: я хочу или я не хочу»¹.

Само собой разумеется, что, полагаясь на «вердикт» генерала Норстэда, канцлер Аденауэр хорошо знал, что тем самым он обеспечивал претворение в жизнь программы оснащения бундесвера ракетами с атомным зарядом.

LA COMEDIA È FINITA...²

Однако перед лицом широкого движения общественности, вызванного атомной политикой федерального правительства, продолжалась игра с противоречивыми заявлениями и сообщениями, направленная на то, чтобы внести путаницу в умы и обезоружить оппозицию. Теперь общая тенденция заключалась в том, чтобы убедить, будто включение Федеративной Республики Германии Североатлантическим союзом или главнокомандующим вооруженных сил НАТО в число стран, которые должны будут разместить на своей территории установки для запуска ракет, не создает опасности. 16 января, ссылаясь на информацию французской печати, боннское официозное агентство ДПА в сообщении из Парижа отмечало, что генерал Норстэд будто бы выступил против размещения в Западной Германии установок для запуска ракет. 11 февраля то же агентство сообщило из Бонна, что, согласно докладу военных экспертов НАТО, на территории Федеративной Республики Германии нельзя разместить установки для запуска ракет среднего радиуса действия.

Это как будто подтверждалось тем, что генерал Норстэд, как сообщало боннское официозное агентство, отказался высказаться по этому вопросу на пресс-конференции, состоявшейся 17 февраля в Париже. Но через несколько дней, 25 февраля, тот же генерал Норстэд, выступивший по западногерманскому телевидению с заявлением о необходимости атомного вооружения федеральной армии, отметил, касаясь вопроса о ракетах, что вооруженные силы НАТО — а следовательно, и западногерманские вооруженные силы — будут оснащены

¹ «Ди вельт», 21 декабря 1957 года.

² Комедия окончена (итал.).

ракетами среднего радиуса действия не позже, чем через год.

Выступая 27 февраля на завтраке, устроенном для иностранных журналистов в Бонне, Штраус сказал по поводу ракет следующее: «Мы ожидаем рекомендаций НАТО». Кстати сказать, здесь он противоречил собственному заявлению от 19 декабря, упоминавшемуся выше. 3 марта Штраус вылетел на самолете в США для переговоров с американскими руководителями о поставках бундесверу атомного оружия и, в частности, ракет «Матадор»¹. И уже 5 марта министр обороны заявил журналистам, что Федеративная Республика Германии примет предложение о поставке ракет.

И действительно, сделка была заключена. Бундесвер должен был получить ракеты «Матадор» (с радиусом действия 1500 километров), но, по словам того же Штрауса, это делалось только для того, чтобы немецкие солдаты «поупражнялись» в обращении с этими ракетами...².

Комедия окончилась лишь 25 марта после принятия правительственным большинством в бундестаге резолюции, одобряющей в принципе оснащение бундесвера атомным оружием. Канцлер Аденауэр достиг своей цели.

«АТОМНЫЙ ВКЛАД» ГЕРМАНИИ

Сказанного достаточно, чтобы понять, как отмечалось в польской печати, комментировавшей решение боннского парламента от 25 марта, почему правительство Федеративной Республики Германии отвергло план Рапацкого. И все же для полноты этого раздела об оснащении бундесвера атомным оружием остается сказать несколько слов об активной роли, отведенной — и отныне обеспеченной — Западной Германии в производстве оружия, предназначенного для ее атомного вооружения.

Известно, что Парижские соглашения, предоставившие Западной Германии возможность вооружаться, запрещали ей иметь и производить определенные виды

¹ Агентство Франс Пресс, 27 февраля 1958 года.

² «Ди вельт», 13 марта 1958 года.

тяжелого оружия, и в первую очередь атомное оружие. А вопрос о производстве такого оружия встал сразу же, как только было начато оснащение бундесвера атомным оружием, то есть при первом же нарушении Парижских соглашений. И речь шла как раз о производстве ракет. Мрачное воспоминание о ФАУ-1 и ФАУ-2 пошло на пользу боннскому правительству, которое проявило готовность поставить на службу «обороны Запада» опыт, накопленный немецкими специалистами в производстве этих снарядов во времена Гитлера.

Находясь в Лондоне в мае 1957 года, Штраус вел также переговоры с английскими руководителями о возможности англо-германского сотрудничества в области исследования и развития «современного оружия» (читай — атомного оружия)¹. Нарушение Парижских соглашений было настолько велико, что в выходящем в Мюнхене журнале «Веркунде» — официозном органе западногерманских военных кругов — в сентябре 1957 года была помещена статья командующего военно-воздушными силами НАТО в Центральной Европе генерала Шассэна, в которой содержались следующие размышления: «Когда такая страна, как Западная Германия, желает обеспечить одновременно свою оборону и политическую независимость, то есть полное равноправие со своими союзниками, то она должна быть в состоянии сама производить ядерное оружие и в случае необходимости его использовать»².

Появление в небе советского спутника лишь ускорило развитие событий, позволив Западной Германии выдвинуться вперед и внести свой «вклад» в важное соревнование в космическом пространстве, начавшееся между США и Советским Союзом.

Почти отчаянный призыв к «взаимозависимости», брошенный американцами, которых в результате замечательного достижения СССР внезапно охватила мысль о своем «отставании», нашел особенно сильный отзвук в Западной Германии. В конце октября 1957 года газета «Индустрикуруир», являющаяся органом рейнских промышленников, ратовала за «пересмотр Парижских соглашений» и за ликвидацию «ограничений, касаю-

¹ «Ди вельт», 9 ноября 1957 года.

² Выдержка из газеты «Монд» от 21 сентября 1957 года.

щихся вооружения Западной Германии, что явилось бы единственным эффективным средством преодолеть отставание западного мира в области ракет». По мнению этого рупора рурских магнатов, западный мир, объединив свои усилия, окажется в состоянии достигнуть того же, чего достигли русские и «чего американцы не в состоянии сделать одни». Газета высказывала мысль о целесообразности создать пул вооружений, «вместо того чтобы полагаться на дядюшку Сэма». Эта мысль, как мы увидим дальше, будет впоследствии пробивать себе дорогу. Для этого нужно совсем немного: пересмотреть Парижские соглашения, «чтобы создать «мозговой трест», объединяющий специалистов Старого и Нового света в области ракетной техники».

В свою очередь президент упоминавшегося выше Германского рабочего сообщества по ракетной технике Штаатс примерно в то же время заявил: «Если бы у нас было достаточно денег, мы могли бы запустить семиступенчатую ракету со спутником»¹. Вопрос об участии западногерманских специалистов и промышленности в исследованиях в области ракетной техники и в производстве ракет обсуждался во время переговоров Эйзенхауэра и Макмиллана в Вашингтоне в октябре 1957 года. Если верить английской печати, по этому вопросу были приняты тогда определенные решения². Уже 2 ноября лондонские газеты, выходящие большим тиражом, под броскими заголовками сообщали, что немцы снова будут вскоре иметь ракеты ФАУ-1 и ФАУ-2 и что они будут строить ракеты для Запада. Одновременно стало известно, что одним из главных вопросов, которые должны обсуждаться на сессии Совета НАТО в Париже в декабре, явится вопрос о роли Западной Германии в производстве ракет и о ее «вкладе в атомную оборону Запада».

По сообщениям все той же английской печати, западногерманской промышленности и специалистам будет «официально предложено» принять участие в дальнейшем совершенствовании и производстве атомного оружия и в первую очередь ракет «для обороны свобод-

¹ «Ди вельт», 3 ноября 1957 года.

² Об этом было сообщено позднее, 3 ноября, в лондонских воскресных газетах.

ного мира». А это потребует, естественно, пересмотра Парижских соглашений.

Третьего ноября лондонские газеты настойчиво подчеркивали, что английское правительство выступило за участие Западной Германии в производстве ракет. Теперь нужно было лишь получить согласие Западно-европейского союза; но в Лондоне надеялись, что большинство в две трети голосов членов этого органа легко удастся получить. Бонн, как обычно, делал вид, будто он не в курсе всего этого и проявляет лишь умеренный интерес.

Во всяком случае, у канцлера Аденауэра, как это отмечалось, нет якобы никакого намерения предпринимать какие-либо шаги в вопросе об участии Федеративной Республики Германии в производстве атомного оружия или даже обсуждать этот вопрос¹. Утверждалось также, что о таком участии не может быть и речи; федеральное правительство не выступит инициатором пересмотра Парижских соглашений. Конечно, будет совсем другое дело, если НАТО «настойчиво потребует», «в интересах союза», участия Федеративной Республики Германии в производстве ракет»².

Немцы заставляли себя просить. Они предоставили своим партнерам, «главным образом американцам», разобраться в том, является ли все еще «своевременным» запрет, навязанный Парижскими соглашениями Западной Германии, производить атомное оружие³. По существу, это была спекуляция на желании американцев и англичан ввиду огромного успеха, достигнутого русскими в области межконтинентальных ракет, обеспечить себе помощь немцев, которые первыми начали работать над созданием ракет.

Восьмого ноября 1957 года член английского правительства министр снабжения Джонс находился в Бонне. Переговоры, которые он вел со Штраусом, касались англо-германского сотрудничества в области исследования и развития «современного оружия». Если верить сообщениям западногерманской печати, федеральный министр обороны выступил по этому поводу с докладом о возможности Западной Германии в фи-

¹ «Ди вельт», 4 ноября 1957 года.

² Там же, 5 ноября 1957 года.

³ Там же, 4 ноября 1957 года.

нансовом и промышленном отношении содействовать развитию «современного оружия»¹.

ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ — АТОМНАЯ ДЕРЖАВА

В январе 1958 года идея создания пула вооружений, выдвинутая в октябре 1957 года газетой промышленных кругов Рура, была осуществлена в рамках Европы в результате подписания 21 января министрами обороны Франции, Западной Германии и Италии соглашения в Бонне.

И напрасно в столице Федеративной Республики Германии и в Париже в связи с этим утверждалось, что это соглашение не касалось атомного оружия, что федеральное правительство всегда придерживалось своего обязательства не производить его даже совместно с другими странами².

Глубокий смысл создания нового органа заключался в том, что с согласия Франции он открыл Федеративной Республике Германии окольный путь к производству ядерного оружия в форме участия ее специалистов и капиталов в атомных изысканиях и в создании французских атомных бомб и ракет с атомным зарядом.

Конечно, федеральный министр обороны Штраус не преминул заявить 7 февраля 1958 года, что речь вовсе не идет о том, что Западная Германия будет производить атомное оружие³. Но известно, чего стоят подобные утверждения. Как только Аденауэр пришел к власти, он все время твердил, что никогда больше не будет немецкой армии. В своем заявлении от 7 февраля Штраус сказал также, что франко-германо-итальянское соглашение предусматривает создание специальной комиссии, в задачу которой будет входить проведение исследований в области горючего и использования атомной энергии. После этого парижскую печать облетел слух, что боннское соглашение содержит секретные статьи о производстве атомного оружия.

¹ «Ди вельт», 9 ноября 1957 года.

² Согласно заявлению Штрауса («Ди вельт», 28 января 1958 года).

³ «Ди вельт», 8 февраля 1958 года.

«Тайна», которая окутывала этот документ, начала проясняться в связи с подписанием 31 марта в Сен-Луи (Верхний Рейн) — на этот раз лишь министрами обороны Франции и Западной Германии — конвенции, предоставившей находящемуся в этом городе исследовательскому институту франко-германский статут.

Чтобы иметь представление о масштабах этого франко-германского «сотрудничества», достаточно сказать, что в приложении к конвенции указывалось, что правление института будет состоять из трех французских и трех западногерманских деятелей, назначенных соответствующими правительствами, и что функции председателя будут осуществляться поочередно французом и немцем; руководство также будет поделено между двумя странами.

В своем заявлении французский министр обороны Шабан-Дельмас достаточно ясно подчеркнул значение нового соглашения, подписанного Францией и Западной Германией, отметив, что «начатая работа полностью направлена не только на научные исследования, но также и на изыскание форм сотрудничества между Францией и Германией, ставшего возможным в результате исчезновения некоторых злых сил, не соответствовавших ни немецкому, ни французскому, ни европейскому духу», и что «предусматривается также необходимость противостоять новой опасности, угрожающей одновременно и Франции и Германии»¹.

Совершенно ясно, что франко-германское «научное» сотрудничество превращалось в сотрудничество военно-политическое. Только совместно производимое атомное оружие могло якобы соответствовать «необходимости» «противостоять» советской «опасности». (В ответе своему французскому коллеге Штраус также подчеркнул необходимость «весьма конкретного сотрудничества» между Францией и Германией, «сотрудничества», которое не ограничится «обменом несколькими пустыми обещаниями».)

Однако если, по мнению французского министра, парижское и боннское правительства, решив совместно производить атомное оружие, «исправляли» таким образом историю своих стран, которая в течение веков

¹ «Монд», 2 апреля 1958 года.

«искажала» французский, германский и «европейский дух», то сами немцы видели в этом перспективы, открывавшиеся перед возрожденной Германией в национальном плане для расширения ее атомной политики.

В самом деле, для немцев боннское атомное соглашение и подписанная в Сен-Луи франко-германская конвенция, заключенные на совершенно равноправной основе (ибо они ставили в одинаковое с Францией положение Федеративную Республику Германии, которой строго запрещалось иметь и производить атомное оружие), закрепляли превращение Западной Германии в атомную державу, а Франция опять в данном случае осталась ни с чем.

Уже сразу после подписания конвенции в Сен-Луи Штраус показал, с какими мыслями и намерениями вступили немцы в пул вооружений. Министр обороны заявил английскому депутату лейбористу Кроссмэну: «Для Франции было ужасным то, что после войны она искусственно рассматривалась в качестве так называемой великой державы»¹.

И вот если эта «неуместная претензия» Франции возбудила в ней желание также стать атомной державой и если Франция решила также обладать водородной бомбой, то именно это и создало благоприятную обстановку для того, что справедливо можно было бы назвать разгулом атомной политики боннского правительства. «Если Франция, — заявил Штраус Кроссмэну, — будет производить свои собственные водородные бомбы, Западная Германия тоже окажется втянутой в их производство». Это была та же самая тактика. Когда речь шла об оснащении бундесвера атомным оружием, утверждалось, что это хотели сделать потому, что не было соглашения о разоружении. Теперь же выдвигалось требование иметь также и водородную бомбу, потому что ее хотела иметь Франция.

Боннское правительство намеревалось до конца использовать свое атомное «сотрудничество» с Францией. Добившись от бундестага голосования за оснащение бундесвера атомным оружием, оно торопилось теперь расширить это «сотрудничество», с тем чтобы перейти к «крупным мероприятиям».

¹ «Дейли миррор», 3 апреля 1958 года.

Седьмого апреля в Риме, в третий раз после подписания трехстороннего боннского соглашения, снова встретились министры обороны Франции, Западной Германии и Италии. И франко-германо-итальянское «атомное трио», мгновенно превратившееся — и не без причины — во франко-германский дуэт, уже снова претерпело изменения: оно приняло масштаб всеобщего соглашения. По решению трех министров, пул вооружений должен входить в Западноевропейский союз, а пока в нем предоставили место Англии, которая, как мы видели, уже давно поддерживала с Бонном контакт в области атомного «сотрудничества»¹.

Втянув в свою игру Францию и окончательно устранив всякое сопротивление атомной политике федерального правительства, немцы торопились освободиться от слишком узкого «сотрудничества» с французами, которое могло оказаться стеснительным в будущем.

Предпринятая таким образом 15—17 апреля в Риме новая операция дополнялась созванным в Париже совещанием министров обороны стран, входящих в НАТО, помимо которого должно было состояться также совещание министров обороны стран, входящих в Западноевропейский союз. Одним из основных вопросов, подлежащих обсуждению на этих двух совещаниях, был вопрос о присоединении всех членов Западноевропейского союза к заключенному в Бонне франко-германо-итальянскому соглашению. А западногерманская дипломатия действовала ловко, оставаясь в стороне и предоставив инициативу англичанам.

Действительно, на совещаниях обсуждался английский план «распределения задач» между членами Западноевропейского союза в области изысканий, развития и производства вооружений и главным образом управляемых ракет. И операция была проведена с полным успехом. Английский план был одобрен как членами Западноевропейского союза, так и министрами обороны стран, входящих в НАТО.

Для Западной Германии это означало, что при совместном производстве вооружений, главным образом

¹ Английский министр обороны Дункан Сэндис предпринял в феврале поездку в Бонн и Рим, где обсуждал со своими немецким и итальянским коллегами вопрос об участии Англии во франко-германо-итальянском пуле вооружений.

ракет, она окажется в особенно благоприятном положении, так как имеет необходимых специалистов. Однако наибольшего успеха она достигла в Париже в политическом отношении.

В сообщениях из французской столицы, опубликованных в западногерманских газетах, принятие Атлантическим союзом «при поддержке Западной Германии» так называемого принципа «открытых дверей»¹, то есть расширение франко-германо-итальянского соглашения путем присоединения к нему всех членов Западноевропейского союза, расценивалось как особенно важное событие, потому что в действительности двери были открыты для ФРГ в производстве атомного оружия, ибо в этом заключался подлинный смысл всей операции.

Тем способом, который был использован для достижения всеобщего соглашения по этому вопросу, была ликвидирована любая возможная оппозиция факту производства Западной Германией атомного оружия. Если бы этот вопрос был поднят непосредственно в НАТО, где, согласно договору, решения принимаются по принципу единогласия, вето одного члена могло бы помешать всякому обсуждению этого вопроса. Но это препятствие обошли окольным путем — посредством создания вне рамок НАТО франко-германо-итальянского пула вооружений, которое ставило НАТО перед свершившимся фактом, проводя свое решение через Западноевропейский союз, где было легко получить требуемое большинство в две трети голосов.

Таким образом, торжествуя писал парижский корреспондент крупной западногерманской газеты, было «взорвано право вето, которое мешало всякому прогрессу в области производства оружия». И корреспондент, ссылаясь на этот результат, отметил, что компетентные западногерманские круги рассматривали его как очень важный результат «в деле производства атомного оружия»² — разумеется, Западной Германией.

На этом и заканчивается длинная и достойная сожаления история ремилитаризации Западной Германии. Получив разрешение иметь армию и беспрепятственно оснащать ее атомным оружием, она отныне была вольна стать также и атомной державой.

¹ «Ди вельт», 19 апреля 1958 года.

² Там же.

VII

Из объективного изучения тех возражений, которые выдвигаются западными державами против плана Рапацкого, и той аргументации, с помощью которой они пытаются эти возражения оправдать, вытекает, что подлинные причины их отказа от польского плана кроются в ином.

Польский план отвергается в принципе, как и любое предложение Востока, потому что он идет вразрез с германо-американской стратегией, а также с политикой Вашингтона и Бонна в целом. Причем не с той политикой, которая провозглашается в официальных декларациях и речах, а с той, которую тайно проводят правительственные канцелярии и штабы.

Если западные державы предоставляют Федеративной Республике Германии атомное оружие и одновременно делают вид, будто они заинтересованы в созыве конференции в верхах с участием СССР, чтобы обсудить вопрос о разоружении, то происходит это потому, что атомное вооружение бундесвера не имеет ничего общего ни с обеспечением мира, ни с «обороной Запада».

По словам канцлера Аденауэра, «оборонительный характер» ремилитаризации Германии «с очевидностью» выявился в отказе ФРГ от атомного оружия¹. Следовательно, с того момента, когда началось оснащение бундесвера атомным оружием, уже невозможно говорить о нем как об «оборонительной» силе. Точно так же, если вопреки элементарным законам военного искусства «тяжелая артиллерия», то есть атомное оружие, размещается на передовой линии, на территории Западной Германии, которая является форпостом атлантичес-

¹ В соответствии с нотой федерального правительства советскому правительству от 7 апреля 1956 года.

ского боевого порядка, то объясняется это тем, что она рассматривается отнюдь не в качестве «щита», а в качестве американского плацдарма на европейском континенте, предназначенного для ведения операций по преимуществу наступательного характера.

РАЗОБЛАЧАЮЩИЙ ЖЕСТ

В связи с вышеизложенным отказ западных держав принять польский план лишь обнаруживает подлинное значение этого плана и в то же время показывает в истинном свете политику Запада, как ее понимают в Вашингтоне и Бонне, то есть в том единственном понимании, с каким следует считаться.

В самом деле, предельно упрощая проблему, чтобы яснее представить себе ее суть, можно сказать, что западные державы отвергли план Рапацкого потому, что он может привести к осуществлению цели, которую он перед собою ставит, а именно устранить вероятность атомной войны в наиболее беспокойной части Европы. И поскольку польский план ведет к разрядке международной напряженности и к упрочению мира, его считают неприемлемым те, кто не желает первого и страшится второго. По их представлению, между «свободным миром» и коммунистическим миром не может существовать ничего иного, кроме ожесточенной борьбы, борьбы не на жизнь, а на смерть. Вот почему, пребывая в состоянии кризиса, они систематически отклоняют любую возможность добиться договоренности и сближения с Советским Союзом, рассматривая СССР в качестве «смертельного врага», а стало быть, и врага, который должен быть уничтожен.

В речи на завтраке, устроенном для представителей иностранной печати 27 февраля 1958 года в Бонне¹, министр обороны Штраус назвал «утопией» «попытку осуществить географически ограниченное разоружение» в том виде, в каком она предусматривается польским планом (и какую, впрочем, он сам предлагал в своем собственном плане). И все это делается только потому, что Запад не может принять подобную попытку в расчет,

¹ Агентство Франс Пресс, 27 февраля 1958 года.

поскольку речь идет о предложении, выдвинутом Востоком.

Осуждая немецких ученых-атомников, которые в своем заявлении от 12 апреля 1957 года выступили против атомной политики канцлера Аденауэра, последний оправдывал свою политику тем, что единственное средство помешать «фанатическому стремлению СССР к агрессии» состоит в противопоставлении Советскому Союзу такой силы «свободного мира», которая превосходила бы его собственную силу¹.

Подобные заявления главы боннского правительства, признанного наряду с Фостером Даллесом в качестве апостола «политики с позиции силы», можно было бы цитировать целыми страницами. Для него, как и для государственного секретаря США, вести переговоры с Москвой — это значит играть ей на руку и позволить заманить себя в «ловушку». Как справедливо заметил боннский корреспондент газеты «Монд», объясняя причины несогласия федерального канцлера с планом Рапацкого, Аденауэр «абсолютно не верит в метод постепенной разрядки», ибо он давал понять, что этот «метод обеспечивает преимущество только Кремлю».

Самые торжественные речи Аденауэра — это призывы к «бдительности», к «сопротивлению», то есть к непримиримости западных союзников. В правительственной декларации федерального канцлера, 29 октября 1957 года в бундестаге после его победы на сентябрьских выборах, он особенно предостерегал западные державы от «политики господства», проводимой якобы СССР, восхваляя в то же время «политику с позиции силы»².

СУЩЕСТВО ПРОБЛЕМЫ

Итак, план Рапацкого отклоняют прежде всего потому, что он затрагивает самое существо проблемы мира. Как и всякое другое предложение, направленное на упрочение мира, оно представляется неприемлемым, ибо заранее предполагает сохранение политического и

¹ «Ди вельт», 15 апреля 1957 года.

² Большая независимая западногерманская газета «Ди вельт» по этому поводу писала: «Д-р Аденауэр выступил в пользу политики с позиции силы. В отношении СССР он высказался куда более резко, чем он это делал ранее в течение длительного периода».

территориального статус-кво, сложившегося в результате второй мировой войны.

Не кто иной, как один из главных сподвижников канцлера Аденауэра, министр обороны Штраус, высказался по этому поводу с полной определенностью. Выдвигая свой собственный план, чтобы похоронить план польского министра иностранных дел, он откровенно объяснил, что главная причина, заставившая федеральное правительство отвергнуть план Рапацкого, заключалась в том, что он направлен на «ослабление международных позиций Западной Германии и на сохранение статус-кво»¹. Причина эта действительно очень важна, поскольку польское предложение закрывает дверь попыткам пересмотреть статус-кво, попыткам, которые под видом политики «освобождения» направлены к тому, чтобы опрокинуть его.

Становясь на позиции «высокой морали», вашингтонские и боннские политики изображают свою непримиримость, свое отрицательное отношение к проблеме упрочения мира и свою агрессивность как некий «священный долг». Они якобы не желают поступиться «моральными принципами». Формула «нет мира без свободы», резюмирующая их политику, фактически исключает мир с Советским Союзом, поскольку мир, основанный на сохранении статус-кво, сложившегося после войны, представляет собою якобы «мир без свободы». Единственной мыслимой и приемлемой для них системой мира является такая, которая предполагает изменение политической карты Европы, иными словами, капитуляцию Советского Союза, если не его ликвидацию.

Вот почему в свете этой концепции для «свободного мира» может существовать только одна политика — «политика с позиции силы». Ибо добиться желаемого результата он может лишь путем давления или применения силы. Оснащение бундесвера атомным оружием, равно как и ремилитаризация Германии, вытекает из этого экстремистского понимания проблемы взаимоотношений между западными державами и Советским Союзом. «Оборона Запада», служившая не более чем предлогом для перевооружения Германии, сегодня про-

¹ «Ди вельт», 25 февраля 1958 года.

должна служить предлогом для оснащения ее атомным оружием. На самом же деле перевооруженная Германия, обладающая атомным оружием, призвана усилить Запад, чтобы дать ему возможность навязать русским «мир в условиях свободы».

Выступая в бундестаге 20 марта 1958 года в ходе дебатов о внешней политике своего правительства, западногерманский канцлер высказался на этот счет как нельзя более ясно. Для него переговоры между державами, имеющими различные интересы, мыслимы исключительно на базе политики силы. Это, заметил он, «относится прежде всего к переговорам с Советским Союзом», ибо «шансы на успех переговоров с Советским Союзом тем больше, чем его партнер по переговорам сильнее». В этом состоит и смысл НАТО и смысл участия ремилитаризованной и оснащенной атомным оружием Федеративной Республики Германии в этой организации.

На сессии Совета НАТО в декабре 1957 года европейские союзники США впервые торжественно и официально присоединились к тезису об «освобождении», который фактически делает невозможным какие бы то ни было переговоры и какую бы то ни было договоренность с русскими.

Однако не одни лишь намеки на «советскую угрозу», на «экспансионистский дух» политики, проводимой Москвой, и т. п. содержала в себе, говоря словами одного западного обозревателя, «заседательская рутинa НАТО»¹. На этот раз европейские союзники США высказывались, и притом самым категорическим образом, в пользу политики, которая безусловно не соответствовала «оборонительному» характеру Атлантического союза, если, конечно, не понимать «оборону Запада» как наступление на Восток под предлогом «освободительного крестового похода» с целью устранения «советской угрозы» путем «оттеснения» Советского Союза.

Канцлер Аденауэр продемонстрировал всю очевидность этой метаморфозы НАТО в речи, произнесенной им в бундестаге 20 марта 1958 года. «НАТО, — сказал он, — является не только оборонительным военным союзом; это в то же время союз, который в значительной

¹ Агентство Франс Пресс, 13 апреля 1958 года.

мере занят и другими проблемами». Намекая на решения сессии Совета НАТО, проходившей в Париже в декабре 1957 года, он подчеркивал политический характер Атлантического союза. По словам федерального канцлера, Атлантический пакт не может ограничиться «одним лишь соответствием нынешним требованиям, связанным с безопасностью» (его участников); «он вместе с тем хочет указать путь, ведущий в международных делах от беспокойного прошлого к лучшему будущему». При этом Аденауэр настаивал на том, что это «ясно вытекает из решений парижской сессии». «Беспокойное прошлое» — это победа союзников во второй мировой войне, а «лучшее будущее» — это ликвидация результатов их победы путем насильственного изменения статус-кво, который был ею создан.

Дело дошло уже до того, что в повестку дня комиссии обороны и вооружений Консультативной ассамблеи Европейского оборонительного сообщества, собравшейся 14 апреля 1958 года в Париже на свое заседание в рамках совещания министров обороны стран — участниц НАТО, было включено обсуждение доклада голландского делегата Герхарда о военных последствиях плана Рапацкого и других планов, связанных с «расторжением обязательств» в Центральной Европе.

Этот странный документ, представленный 28 апреля Консультативной ассамблее ЕОС, а затем, 5 мая, переданный сессии Совета НАТО, состоявшейся в Копенгагене, исключал не только всякую дискуссию по поводу польского предложения, но и вообще любые переговоры с Советским Союзом. Доклад голландского делегата по существу не содержал никаких упреков в адрес плана Рапацкого: он просто-напросто отвергал этот план в связи с теми возможностями, которые он предоставлял помимо своей непосредственной цели, то есть деатомизации Центральной Европы, полной ее демилитаризации путем вывода всех иностранных войск из пределов этой зоны.

В докладе Герхарда прямо говорилось, что вывод войск НАТО из Западной Германии и советских войск из стран Восточной Европы представлял бы смертельную опасность для Запада, если бы он не сопровождался «политическим отходом» СССР за пределы той части Европы, которую сейчас занимают его войска.

Эту смертельную опасность Запад усматривает в сохранении политического статус-кво, который явился бы результатом урегулирования в Центральной Европе вслед за ее деатомизацией. Державы, входящие в Западноевропейский союз, по-видимому, куда больше интересуются изменением этого статус-кво, нежели «обороной Запада», и потому всячески стремятся к тому, чтобы советские войска оставались на территории стран Центральной и Восточной Европы, лицом к лицу с войсками НАТО, словно они боятся, что с выводом этих войск западные державы лишатся возможности оказывать давление своей вооруженной мощью и вынудить Советский Союз к «политическому», а вместе с тем и к военному «отходу».

ЗАПАДНОГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИКА ПЕРЕСМОТРА ГРАНИЦ

В основе политики боннского правительства лежит стремление к пересмотру границ. Федеративная Республика Германии живет в условиях временного режима, в ожидании окончательного урегулирования так называемой «германской проблемы», которая для боннских лидеров, помимо воссоединения Германии, включает также пересмотр новой польско-германской границы и «освобождение» восточных территорий, отошедших от Германии в результате ее поражения во второй мировой войне.

Правительство канцлера Аденауэра не признало нынешней границы между Германией и Польшей и не перестает повторять, что никогда ее не признает. Правда, Федеративную Республику Германии отделяет от Польши Германская Демократическая Республика, которая подписала с польским правительством договор от 6 июля 1956 года, признающий линию Одер — Нейсе в качестве окончательной границы между Германией и Польшей. Боннское правительство в проводимой им политике в вопросе о границах чувствует поддержку со стороны своих атлантических союзников, поскольку с их точки зрения политика эта соответствует стратегическому принципу, в соответствии с которым оборона Европы должна проходить «возможно дальше к Востоку».

Концепция Бонна сводится к тому, что пересмотр польско-германской границы должен автоматически последовать за воссоединением Германии точно так же, как ее воссоединение должно сопровождаться «освобождением» других территорий на Востоке, отошедших от Германии; а далее должно следовать осуществление широкой программы германской экспансии в сторону славянских земель. Все это соответствует политике западных держав, которая ставит своей целью упрочение позиции Федеративной Республики Германии в отношении России и ликвидацию советского блока.

Надо сказать, что германское федеральное правительство не упускает случая заверить, что оно питает к Польше самые дружеские чувства. Его представители заявляют, что «вопрос» о границе будет урегулирован «дипломатическим путем». Выступая 30 ноября 1956 года в Гамбурге, фон Брентано объявил себя противником всякого применения силы для урегулирования этого «вопроса». И министр иностранных дел боннского правительства заверил в том, что его правительство готово дать польскому правительству гарантию не применять силы¹. Но благие намерения в отношении Польши, о которых распространяются в Бонне, не могут успокоить поляков. Все это слишком напоминает им аналогичные словесные заверения времен Гитлера. Впрочем, на деле федеральное правительство не оставляет места для сомнений относительно своих подлинных намерений, ибо в то же время оно дает понять, что «вопрос» о границе по Одере — Нейсе остается открытым.

За успокоительными речами западногерманских руководителей скрывается, и притом плохо скрывается, их политика пересмотра границ, подоплекой которой является ненависть к полякам и жажда реванша. Они не только не осуждают гитлеровскую агрессию против Польши, но вспоминают о ней с тоской и сожалеют по поводу того, что Гитлеру не удалось стереть с карты эту ненавистную им страну. Этот факт приобретает тем большее значение, что дружеское отношение к польскому народу должно было бы являться делом чести для

¹ «Ди вельт», 1 декабря 1956 года.

каждого немца, поскольку Польша оказалась первой жертвой гитлеровской агрессии, страной, которая больше всего от нее пострадала.

В «Дейчер зольдатен календер» на 1954 год, выпущенном военной газетой «Дейче зольдатен цейтунг», официальное лицо, начальник военно-морского отдела боннского министерства обороны вице-адмирал Руге, напоминал о подвигах вермахта в «молниеносной войне» против Польши и о «политическом упразднении» этой страны. Другой видный деятель, генерал граф Кильмансег, ныне командир одной из дивизий новой германской армии, в своих военных мемуарах, опубликованных в 1947 году под названием «Танки между Варшавой и Атлангикой», вспоминает о чувствах, которые он испытал, когда после взятия Варшавы германскими войсками посетил резиденцию президента и с величайшим удовлетворением уселся в кресло президента Польской Республики. Это кресло, писал он, принадлежало главе государства, «над которым мы не просто одержали военную победу, но которое, будучи искусственно создано, вычеркнуто из истории в результате нашей победы...»

Политика ревизии границ, которой придерживается боннское правительство, проявляется в постоянных заверениях канцлера Аденауэра о том, что Федеративная Республика Германии никогда не признает линии Одер — Нейсе; она проявляется и в том, что на этот счет пишется в западногерманской прессе, но главным образом в той шовинистической пропаганде, какую ведут бесчисленные националистические организации и, в частности, организации восточных беженцев, субсидируемые боннскими властями. По данным западногерманской печати, в настоящее время эти последние имеют в своем распоряжении 340 газет и различных периодических изданий, общий тираж которых превышает полтора миллиона экземпляров¹. И все эти издания проводят яростную антипольскую кампанию, публикуя тенденциозные статьи и ложные сообщения, соответствующим образом настраивающие читателя и поддерживающие среди беженцев надежду на «возвращение к родному очагу».

¹ «Дас остпрейсише блатт», 10 декабря 1955 года.

В подобных условиях говорить о намерении урегулировать «вопрос» о границе «дипломатическим путем» значит несколько исказить смысл слов. В Бонне речь идет не иначе как об «освобождении» польских территорий и территорий, отошедших к Советскому Союзу. Но ведь территории «освобождают» не путем переговоров с государством, которое их занимает, особенно если это государство, как, например, Польша, считает, что данные территории принадлежат ему исторически и этнографически.

Следовательно, политика западногерманского правительства, направленная на пересмотр границ, может опираться лишь на силу, и в Бонне из этого не делают секрета. Восточные территории будут возвращены обратно «политическими средствами», заявил в 1951 году в одном из своих выступлений министр по общегерманским вопросам правительства Аденауэра Якоб Кайзер. Однако, поспешил он добавить, для этого потребовалась бы «политика силы». Этому официальному лицу такая политика представляется возможной благодаря «возрастающей силе свободных наций». Ибо — и этого не следует забывать — боннское правительство рассчитывает прежде всего на своих атлантических союзников.

Политика правительства Западной Германии в отношении пересмотра границ по существу является лишь одним из аспектов его «политики силы» уже потому, что она составляет часть политики реванша и экспансии. Отсюда и воскрешение таких гитлеровских лозунгов, как «жизненное пространство», «новый порядок» и т. п., которые по наивности считались забытыми навсегда. Реваншистский шовинизм Бонна, несмотря на его «европейский» лоск, развивается по тому же пути, по которому в свое время шли гитлеровские политики.

После формирования первого правительства Аденауэра один из членов этого правительства, министр транспорта Зебом, стал знаменосцем «политики больших пространств» на Востоке. В 1951 году он заявил, что является стойким противником идеи простого возврата к германским границам 1937 года. Германия, по его словам, должна получить «восточные районы», которые образуют «экономическое пространство», необходимое в качестве «жизненной базы» для германского народа и «европейской нации в целом». Это же офи-

циальное лицо, выступая в сентябре 1956 года по радио с речью, посвященной открытию межконтинентальной авиалинии «Люфтганза», заявило: «Для нас воссоединение [Германии] распространяется не только на территорию советской зоны: наша Германия включает и районы нашей колонизации». (Известно, что пангерманский империализм питался главным образом идеей «колонизации» славянских земель.) В марте 1952 года канцлер Аденауэр определял в качестве «основной цели» своей политики «новый порядок на Востоке»¹.

Единственная, если можно так выразиться, оригинальная черта этой политики состоит в том, что теперь говорят о «железном занавесе» и что, совпадая в основе своей с политикой Гитлера, которая также ратовала за «освобождение» в широком масштабе, боннская политика обладает опасным и большим преимуществом, поскольку она развивается в рамках союза, объединяющего все западные державы, в то время как Гитлер мог рассчитывать лишь на молчаливую поддержку с их стороны.

МАСКА СБРОШЕНА

Можно было бы в конце концов допустить, что атомное вооружение бундесвера, так же как и ремилитаризация Германии вообще, является всего лишь «репликой» на «советскую угрозу». Именно так и утверждает Бонн. Однако ничем нельзя оправдать поспешности, с какой федеральное правительство приняло соответствующее решение, и при этом в момент, когда ожидается созыв совещания на высшем уровне. А ведь было бы вполне естественным дожидаться результатов этого совещания, тем более что стремительная акция боннского правительства могла уменьшить шансы на его успех. Такова, кстати сказать, была и точка зрения социал-демократической оппозиции, разделявшаяся небольшой правительственной партией, так называемой Немецкой партией².

¹ По сообщению мюнхенской газеты «Нейе цейтунг» от 17 марта 1952 года.

² См. заявление лидера этой партии Хельвега, сделанное 24 марта в Бонне («Ди вельт», 25 марта 1958 года).

Но дело в том, что совещание в верхах могло занять также и планом Рапацкого и, быть может, прийти к какому-либо соглашению. Но в этом как раз и заключается великая «опасность», которой следовало избежать. Вот почему надо было поскорее решить вопрос о предоставлении новой германской армии атомного оружия, чтобы поставить совещание перед свершившимся фактом, а то и вовсе сорвать его созыв. Операцию эту необходимо было провести незамедлительно и любой ценой.

Таким образом, со всей очевидностью доказано, что политика атомного вооружения, осуществляемая боннским правительством, определяется соображениями, не имеющими ничего общего ни с причинами, приводимыми в ее оправдание, ни с международной обстановкой, которой эта политика якобы продиктована. На самом деле политика Бонна эволюционирует под воздействием — и под страхом — благоприятно развивающейся международной обстановки.

Всячески ускоряя атомное вооружение новой германской армии наряду с отклонением польского плана, правительство канцлера Аденауэра разоблачило свои замыслы куда откровеннее, чем когда-либо раньше. Атомное вооружение бундесвера, запрещенное Парижскими соглашениями как нечто недопустимое и немислимое для вчерашних жертв Германии, знаменует собою кульминационную точку в развитии агрессивной политики боннского правительства и в возрождении германского милитаризма.

Именно в этих двух аспектах, в которых проявляется то, что отныне справедливо было бы назвать новой германской угрозой, отклонение плана Рапацкого боннским правительством полностью приобретает именно такой смысл. И под этим же углом зрения следует рассматривать «состояние национального кризиса», вызванное в Западной Германии решением федерального правительства оснастить бундесвер атомным оружием.

Конечно, кампания, развернувшаяся против такого решения, в ходе которой мы видим, как политические деятели, ученые, писатели, работники искусств и служители церкви, принадлежащие к различным, в том числе и правительственным, партиям, обращаются к

профсоюзным организациям с призывами выйти на улицу, чтобы заставить правительство отказаться от своей политики атомного вооружения, — эта кампания вызвана прежде всего страхом перед «атомной смертью», угрожающей немецкому народу. В этих призывах содержится также требование к федеральному парламенту и правительству «поддержать проекты создания безатомной зоны», то есть, иными словами, план Рапацкого.

Вместе с тем демократические элементы Западной Германии и социал-демократическая партия обеспокоены все более активной и решающей ролью, которую вновь начинает играть военщина в принятии правительственных решений. В самом деле, все это напоминает эпоху расцвета германского милитаризма, когда решающее слово принадлежало военным. Воскрешение германской армии возвратило их на политическую арену. Вместе со вступлением Западной Германии на путь атомных вооружений эта арена целиком предоставляется военщине, поскольку на будущее Германия якобы должна быть «защищена» от угрозы атомной войны.

Вот почему с развитием политики правительства канцлера Аденауэра целиком возобновляется трагедия германской демократии. Слова лидера социал-демократической партии Олленхауэра о растущем влиянии военных на западногерманскую политику¹ звучат буквально как сигнал бедствия. Чем сильнее сопротивление, которое эта военная политика встречает со стороны населения, тем серьезнее становится опасность, какую она представляет для свобод немецкого народа. Ибо для того, чтобы такую политику навязать, правительство, в котором заправляют военные, прибегает к «сильным средствам» с целью сломить сопротивление немецкого народа. А это значит, что подобная политика ведет к фашизму в более или менее «подновленном» обличье, причем без того, чтобы непременно существовала новая нацистская партия.

Такая опасность тем более велика и реальна, что за правительством Аденауэра стоят те же самые экономи-

¹ По сообщению официального агентства федерального правительства ДПА от 2 марта 1958 года.

ческие силы, которые поддерживали и привели к власти Гитлера, и что силы эти — поскольку «германское экономическое чудо» отныне уже идет к упадку — вновь обращают свои взоры к безбрежному морю военных кредитов¹.

¹ Между 1955 (первый год вооружения Германии) и 1957 годами эти кредиты возросли с 95,4 миллиона до 7,5 миллиарда марок, а в 1958 году подскочили уже до 10 миллиардов. Предполагается, что к марту 1961 года, когда оснащение новой германской армии будет близко к завершению, военные кредиты достигнут, по официальным данным, 52—60 миллиардов марок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Время покажет, останутся ли до конца сообщниками политики Бонна и Вашингтона, направленной против деатомизации Центральной Европы, все те, кто по легкомыслию, по неведению или из слепой ненависти к Советскому Союзу продолжают поддерживать эту политику на самой опасной стадии, быть может, проклиная ее в душе и страшась ее роковых последствий.

Ибо на самом деле союзникам Западной Германии грозит вовсе не то, чему они пытаются противостоять, оснащая ФРГ атомным оружием, предварительно разрешив ей иметь армию. Действительная опасность для них заключается в том, что они рискуют оказаться втянутыми в войну, которую могут развязать боннские реваншисты, полагаясь на поддержку Запада. Это настолько очевидно, что даже самые горячие сторонники перевооружения Германии, как, например, Робер Шуман¹, решительно возражали против вступления ФРГ в НАТО, поскольку из-за немецких притязаний на восточные территории, отошедшие от Германии в результате второй мировой войны, атлантический блок «утратил бы характер оборонительного союза». Угроза эта неизбежно возрастет во сто крат, когда Западная Германия будет обладать атомным оружием.

В манифесте, который 9235 ученых-атомников всего мира направили 13 января 1958 года в ООН, обращалось серьезное внимание Объединенных Наций на то, что наличие атомного оружия в распоряжении других правительств, кроме правительств трех великих атомных держав (США, СССР и Англии), связано с большим риском, ибо при таком положении «безответ-

¹ В заявлении, с которым он выступил 8 февраля 1952 года на заседании комиссии обороны и комиссии иностранных дел Национального собрания.

ственный глава государства» по своей воле может развязать атомную войну. Ясно, что речь шла о главе боннского правительства.

Со своей стороны д-р Альберт Швейцер в одном из обращений, переданных норвежским радио в апреле 1958 года, указывал, что угроза атомной войны увеличилась, «поскольку Америка снабдила ядерным оружием другие страны», которые могут воспользоваться им по своему усмотрению, совершенно не заботясь о последствиях подобного шага. Ясно, что и здесь имелась в виду Западная Германия.

В этом смысле дебаты по вопросу об атомной политике федерального правительства, проходившие в бундестаге 20, 21, 22 и 25 марта, должны были заставить призадуматься даже тех, кто утратил способность думать. Как справедливо отмечали ораторы оппозиции — социал-демократы и либералы, — выступления членов правительства и правительственных партий в ходе дебатов отличались неслыханным доселе провокационным и агрессивным тоном по отношению к Советскому Союзу. Канцлер Аденауэр говорил об СССР как о стране, которая в будущем, безусловно, явится «агрессором», а ожесточенные нападки министра обороны против «мощного агрессора» дали социал-демократу Эрлеру и либералу Рейнольду Мейеру основание заявить, что выступление Штрауса походило на воинственный крик, напоминавший трескучие речи Геринга и геббельсовские призывы к «тотальной войне».

Казалось, что в связи с перспективой оснащения новой германской армии атомным оружием боннскими реваншистам уже мерещится, будто бы для них наступило время направить это оружие против СССР. В глазах федерального правительства и партий правительственного блока атомное вооружение бундесвера означало крайнее проявление «политики силы», проводимой Аденауэром. Федеральный канцлер сам это подчеркивал, когда заявил в своей речи, что для «успешных» переговоров с СССР необходимо обладать силой и что Запад обладает ею благодаря атомному вооружению НАТО и, разумеется, благодаря наличию такого вооружения у западногерманской армии.

Короче говоря, правительственное большинство проголосовало за предоставление бундесверу атомного

оружия, учитывая перспективы войны против Советского Союза. Смысл этого решения выражен в тезисе, который был сформулирован весьма видным представителем правительственного большинства католиком д-ром Егером. Он заявил: коль скоро «решающее объяснение» с коммунистической Россией так или иначе должно произойти, лучше вести его с атомным оружием в руках.

«Боязнь русских», «оборона Запада» и другие «европейские» мифы, которые до сих пор заставляли руководителей западных стран поддерживать германский милитаризм, уже не могут прикрыть их ошибок и заблуждений.

В самом деле, можно ли всерьез говорить об «обороне» Запада, если спустя девять лет после создания Атлантического пакта верховное командование вооруженными силами НАТО имеет в своем распоряжении всего пятнадцать дивизий и намерено иметь тридцать, чтобы противостоять восьмидесяти двум русским дивизиям¹. И почему открыто не признать, что Запад пребывает в полной безопасности не потому, что он «защищен атлантическим щитом», а просто-напросто потому, что никто ему не угрожает?

Какой смысл могут иметь стереотипные решения, периодически принимаемые Советом Атлантического пакта, об увеличении «военных усилий» его участников, если в конце концов всякий раз признается, что усилий этих все равно недостаточно и если такой человек, как Фостер Даллес, вся политика которого основана на «страхе перед русскими», упрекает западную общественность в том, что она придает «большое значение, быть может, слишком большое значение военным аспектам мирового конфликта с русскими»². Какой смысл эти решения могут иметь, если генеральный секретарь НАТО Спаак признает, что «борьба между коммунизмом и Западом впредь будет развиваться скорее в области экономической, нежели в военной»?³ Или

¹ См. заявления генерала Норстэда на совещании министров обороны стран НАТО 16 апреля 1958 года.

² См. заявление Даллеса на пресс-конференции в Париже 2 мая 1958 года (агентство Ассошиэйтед Пресс).

³ В интервью, переданном Би-би-си 3 декабря 1957 года (по сообщению западногерманской газеты «Ди вельт»).

если заместитель главнокомандующего вооруженными силами НАТО фельдмаршал Монтгомери заявляет в свою очередь, что соперничество между Западом и Востоком отныне будет происходить в экономической и финансовой сфере, и призывает политиков западных стран приложить усилия к ослаблению международной напряженности, чтобы этим странам больше не приходилось расходовать огромные суммы на оборону? Или, наконец, если руководитель федерального разведывательного управления США Аллен Даллес, человек, который лучше, чем кто-либо другой, может судить о «русской угрозе» и на сведения которого опирается политика его брата, прямо признает¹, что он не верит в агрессивные намерения СССР и что подлинное сражение в «холодной войне» будет происходить в рамках экономического соревнования двух систем — коммунистической и капиталистической.

Для союзников Бонна и Вашингтона план Рапацкого предоставляет исключительную возможность поправить безумную ошибку, которую они совершили, предприняв перевооружение Западной Германии и возвратив к жизни германский милитаризм. Поэтому польский план является для них последним шансом, ограждать пока еще не поздно, европейские страны от страшных последствий их собственной политики.

Более того. Создавая путем деатомизации Центральной Европы зону мира и безопасности в самом сердце европейского континента, план Рапацкого предоставляет союзникам ФРГ и США другое, не менее важное, преимущество. Он дает им возможность серьезно и трезво поразмыслить над проблемой их безопасности в целом в связи с Атлантическим союзом, то есть поразмыслить над тем, гарантирует ли им этот союз безопасность или, быть может, напротив, подвергает их огромному риску.

Под воздействием «страха» перед русскими Атлантический союз вышел за рамки стоящих перед ним задач. В результате он уже не подлежит контролю со стороны своих европейских членов; он превратился одно-

¹ В заявлении, сделанном 29 апреля 1958 года в Вашингтоне.

временно в орудие и в ширму американской политики, так называемой политики «обоснованного риска», «политики на грани войны», которую Соединенные Штаты Америки проводят, нисколько не думая о своих союзниках, в то время как самостоятельно они никогда бы не осмелились такую политику проводить.

Если европейские страны, исключая Западную Германию, искренне говорят об «обороне Запада», то фактически страшная опасность, которой они подвергаются, не имеет ничего общего с «советской угрозой» и целиком связана с Атлантическим союзом.

Насколько такая опасность очевидна, можно было понять, когда Фостер Даллес открыто хвастался, что он трижды шел на риск войны ради «спасения мира». Это было крайним проявлением политики «обоснованного риска». Причем все это делалось без всякого участия союзников США, поскольку с ними не только ни разу не консультировались, но даже проинформировать их не сочли нужным. Иными словами, европейские страны внезапно могли оказаться втянутыми в войну, даже не зная, как и почему это случилось. А случиться это могло в результате простого действия самого механизма Атлантического союза, при отсутствии какой бы то ни было угрозы непосредственно для этих стран.

Эта опасность, несравненно более серьезная и реальная, чем та, какую усматривают на Востоке, превратилась для европейских стран в некий постоянный фактор. Ибо в результате того, каким образом европейские правительства отдали себя в распоряжение американского «защитника» для обеспечения своей безопасности, и в результате того, как этот защитник выполняет свою роль, судьба европейских стран перестала зависеть от воли их собственных парламентов и правительств. В этом и заключается трагедия Атлантического союза, и те люди на Западе, которые считают, что за атлантическим «щитом» они пребывают в безопасности, и благодарят бога, пославшего им «великого союзника» в лице США, не отдают себе отчета в том, куда может привести их страны такая «защита».

С тех пор как, к несчастью для американского народа и всего мира, Пентагон занимает в «великой заокеанской демократии» место, аналогичное тому, какое

занимал генеральный штаб в Германской империи, иными словами, с тех пор как военные получили в США решающий голос, «оборонительная» стратегия Запада в ее вашингтонском варианте, основанном на абсолютно вздорной гипотезе, будто бы русские замышляют «внезапное нападение», — эта стратегия готова в любой момент «ответить» на него сокрушительными «репрессалиями», то есть, иными словами, развязать атомную войну при одном лишь предположении, что русские намерены действовать. А это значит, что мир висит на волоске и судьбу его может решить ошибочная оценка сложившейся обстановки.

Чудовищную абсурдность такого положения отметил д-р Альберт Швейцер в одном из своих посланий, переданных норвежским радио в апреле 1958 года. Приведя слова американского генерала Кэртиса Лэ Мэя о том, что атомная война вполне может явиться следствием простой ошибки, выдающийся гуманист напомнил, что в начале 1958 года подобное бедствие едва не произошло.

«Это же факт, — говорил он, — что совсем недавно мир столкнулся с такой ситуацией. Радарные установки американских военно-воздушных сил и суда береговой обороны США в одно и то же время сигнализировали, что неопознанные эскадрильи бомбардировщиков со сверхзвуковой скоростью пролетели в направлении Соединенных Штатов Америки. Обязанностью командующего бомбардировщиками стратегической авиации было немедленно отдать приказ о проведении в качестве репрессалий ядерной контратаки. Однако американский генерал оказался не в состоянии принять такое решение, не отдал соответствующего приказа и тем самым взял на себя большую ответственность. В дальнейшем выяснилось, что тревога произошла вследствие технической ошибки радаров». И д-р Швейцер поставил тревожный вопрос, который приходит на ум любому здравомыслящему человеку: «Что было бы, если бы на месте этого генерала находился другой, менее хладнокровный человек?»

Вот к чему пришел мир. И все это результат заблуждений, порожденных «холодной войной». В обстановке подозрений, недоверия и напряженности, кото-

рую она создает, «оборона Запада» превратилась в смертельную угрозу для человечества.

Отсюда и огромная ответственность, которую берут на себя правительства и парламенты западных государств, когда они со слепым и пассивным постоянством продолжают политику, неизбежно ведущую к атомной войне. А явится ли война результатом случайности или расчета, это нисколько не меняет сути дела.

Выбор, который должны сделать западные державы, отнюдь не выбор между обороной, как ее понимают в Вашингтоне, и капитуляцией. Такова одна из ложных дилемм, в рамках которой апостолы «холодной войны» и наживающиеся на ней люди пытаются замкнуть западные страны, чтобы иметь возможность поддерживать международную напряженность, необходимую им для достижения своих целей. Никто никогда не оспаривал права западных стран на обеспечение собственной обороны. Но одно дело — признать за ними такое право и другое дело — пытаться убеждать, будто у западных держав не останется иного выхода, кроме капитуляции, если их оборона не превратится в угрозу, куда более значительную и реальную, чем та, от которой они якобы защищаются. Оборона Запада вполне приемлема в рамках политики, обеспечивающей все шансы для общего урегулирования отношений между Востоком и Западом и не имеющей ничего общего с капитуляцией.

Неверно также и то, будто бы западным странам приходится выбирать между смертью и свободой. Это еще одна ложная дилемма. Вопрос ставится таким образом, будто они не могут обеспечить мир, не рискуя при этом утратить свободу, и будто бы им не остается ничего другого, кроме войны, чтобы эту свободу отстоять. На самом деле ничто не вынуждает западные страны воевать за свободу. Напротив, у них есть все возможности сохранить ее в условиях мира, если они встанут на путь взаимопонимания и сотрудничества с Востоком.

В действительности существует выбор между политикой, которая может привести лишь к войне, и новой политикой, дающей возможность вывести мир из тупика «холодной войны» и открывающей широкие перспективы мирной жизни.

Для миролюбивых народов, которые не хотят погибнуть в результате атомной катастрофы, приемлем только один «обоснованный риск», диктуемый обстоятельствами и естественной логикой. Таким «риском» является мир, базирующийся на обоюдной терпимости, взаимопонимании и сотрудничестве между Западом и Востоком, на минимуме доверия, необходимом в отношениях между странами с различными интересами, короче говоря, на мирном сосуществовании.

Д з е л е п и
БЕЗАТОМНАЯ
ЕВРОПА

Обложка художника *И. И. Каледина*
Художественный редактор *Б. И. Астафьев*
Технический редактор *Н. А. Иовлева*
Корректор *М. М. Косенко*

Сдано в производство 2/VI 1959 г.
Подписано к печати 23/VI 1959 г.
Бумага $84 \times 108 \frac{1}{32} = 2,0$ бум. л.
6,6 печ. л.
Уч.-изд. л. 6,4. Изд. № 7/5122
Цена 2 р. 35 к. Зак. 518

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ново-Алексеевская, 52

20-я типография Московского
городского совнархоза
Москва, Ново-Алексеевская, 52

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ И ДИПЛОМАТИИ

Вышли из печати в 1959 г.

- А. Верт, Франция, 1940—1955. *Перевод с английского*, 615 стр., цена 33 р. 15 к.
- Д. Норт, Нет чужих среди людей. *Перевод с английского*, 351 стр., цена 6 р. 85 к.
- М. Хиль, Наши добрые соседи. *Перевод с испанского*, 360 стр., цена 8 р. 90 к.
- США и Филиппины. *Перевод с английского*, 78 стр., цена 1 р. 45 к.
- Революция в Ираке. *Перевод с английского*, 36 стр., цена 60 к.
- Германская Демократическая Республика, 300 вопросов и ответов. *Перевод с немецкого*, 264 стр., цена 7 р. 10 к.

Выходят из печати

- Внешняя политика Чехословакии, 1918—1939 гг. *Перевод с чешского*.
- Э. Ротштейн, Мюнхенский сговор. *Перевод с английского*.
- С. Братынский, Дипломатия периода второй мировой войны. Международные конференции 1941—1945 гг. *Перевод с польского*.
- П. Датт, Кризис Британии и Британской империи. *Перевод с английского*.
- П. Тольятти, Речи в Учредительном собрании. *Перевод с итальянского*.

Готовятся к печати

- А. Норден, Фальсификаторы. *Перевод с немецкого*.
- Проблемы истории второй мировой войны. *Перевод с немецкого*.

2 p. 35 K.

69.1-1000 W
— 24